

На правах рукописи

Ерофеева Ирина Валерьевна

**ИМЕННОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ
РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ**

10.02.01 Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Казань – 2010

Работа выполнена на кафедре истории русского языка и языкознания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный консультант — доктор филологических наук,
профессор
Николаев Геннадий Алексеевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Колесов Владимир Викторович
(г.Санкт-Петербург)

доктор филологических наук,
профессор
Ваулина Светлана Сергеевна
(г. Калининград)

доктор филологических наук,
профессор
Баранов Виктор Аркадьевич
(г. Ижевск)

Ведущая организация — ГОУ ВПО «Вятский
государственный
гуманитарный университет»

Защита состоится 24 декабря 2010 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 в ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420008, г.Казань, ул. Кремлевская, д.18, корп.2, ауд. .

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им.Н.И.Лобачевского ФГАОУВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Автореферат разослан « » ноября 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. филол. наук, доц.

Виноградова Т.Ю.

Общая характеристика работы

Диссертация посвящена анализу словообразовательной системы древнерусского и старорусского языка, нашедшей отражение в памятниках летописного жанра. Словообразование является важнейшим средством номинации, участвующим в категоризации явлений действительности, структурировании мира в сознании носителей языка. Средства словообразования, его модели и приемы регулярно используются в номинативной деятельности человека. Поскольку в производных словах объективируются сведения о мире, изучение деривационного процесса позволяет осмыслить познавательную и интерпретирующую деятельность человека. Как содержательный план словообразовательного строя, представленный совокупностью словообразовательных категорий и словообразовательных значений, так и план выражения, представленный системой средств словообразования, имеют ономаσιологическую направленность.

Актуальность исследования определяется тем важным местом, которое занимает словообразование в номинативной деятельности человека. Производные образования составляют значительную часть лексического состава языка русских летописей, отображая все сферы жизни древнего социума. В актах словопроизводства отражается мышление человека средневековья, его восприятие и оценка явлений внеязыковой действительности. Анализ деривационных процессов и их материальной реализации в производных именах дают представление о специфике концептуализации мира, особенностях мировоззрения человека в определенную историческую эпоху. Актуальным является всестороннее исследование словообразовательных особенностей языка значительной группы памятников письменности, представляющих своеобразный и самобытный источник реконструкции языковой системы средневековья. В летописях отражается определенный период в развитии человеческого общества и человеческого познания, представленный в языковых фактах в виде новых наименований. Именно в летописях на протяжении всего времени существования памятников этого типа сталкиваются разные языковые стихии, что дает богатый материал для изучения деривационных механизмов языка определенного исторического периода.

В последние десятилетия возрос интерес исследователей-лингвистов к проблеме отражения человеческого мышления в языковой деятельности, особенностям восприятия мира в фактах языка, созданию моделей представлений знаний о мире как сложном процессе его чувственно-мыслительного восприятия человеком. Важные теоретические положения антропологической лингвистики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики содержатся в исследованиях Ю.Д.Апресяна, В.В.Колесова, Н.Д.Арутюновой, В.А.Масловой, Т.И.Вендиной, Ю.С.Степанова, Е.С.Кубряковой, В.Н.Телия, М.А.Дмитровской, В.И.Карасика и других современных языковедов.

Решение вопросов о воздействии языка на поведение и мышление человека, о взаимоотношении языка и общества, о развитии духовной культуры народа, менталитета нации и т.д. находится в русле антропологической лингвистики, ставшей важным направлением современного языкознания. В связи с вы-

движением на первый план данного аспекта исследований актуальными становятся вопросы лингвистической аксиологии, позволяющие изучать культуру народа сквозь призму символов и ценностей этноса. Каждый уровень языковой системы содержит информацию об основных принципах мировоззрения русского народа, отражающийся в аксиологических установках, и словообразование как особый механизм языковой деятельности дает богатый материал для изучения указанного процесса. В результате деривационного процесса предметы и явления внешнего мира получают интерпретацию через внутреннюю форму слова. Семантические сферы языка, открытые для актов словообразования, сигнализируют о значимости соответствующих фрагментов человеческого опыта. В работах Е.М.Верещагина, В.Г.Костомарова, В.М.Живова, Т.И.Вендиной, Н.Д.Арутюновой, Е.М.Вольф, Н.Б.Мечковской, М.А.Кронгауза, А.Вежбицкой, Э.Н.Акимовой и др. рассматриваются различные аспекты системы ценностей этноса и способов их репрезентации в языке и духовной культуре.

Традиция изучения языковых фактов с учетом законов когниции, во взаимосвязи языка, мышления и культуры были заложены в работах классиков лингвистической науки: В.Гумбольдта, И.А.Бодуэна де Куртенэ, А.А.Потебни, Н.В.Крушевского. В.Гумбольдт призывал исследователей сочетать собственно лингвистический подход с анализом мыслительной деятельности, исторических фактов, культурного состояния нации. Такой анализ и представлен в диссертационном исследовании, поскольку изучение языковых форм в летописных текстах осуществляется с использованием собственно исторических фактов, литературоведческих изысканий, культурологического и когнитивного подходов.

Летописи являются важнейшими памятниками письменности, представляющими собой произведения со своей историей, имеющими локальную и темпоральную отнесенность. Огромна заслуга ученых, изучавших русское летописание, проделавших воистину титаническую работу по реконструкции исходной летописи, сопоставлению списков, выявлению начальных текстов, легших в основу всего общерусского летописания, определению структурных частей памятников и т.д. Неоценим вклад А.А.Шахматова, Д.С.Лихачева, И.П.Еремина, Я.С.Лурье, М.Д.Приселкова, В.М.Истрина, Б.А.Рыбакова, А.Н.Насонова, М.Н.Тихомирова и ряда других исследователей в разработку многих общих и частных вопросов русского летописания. Значительное количество работ, посвященных русским летописям, свидетельствует о неугасающем интересе ученых к данному источнику, дающему богатый материал для изучения русской истории, культуры, литературы, языка.

Летописи представляют собой сложное многоплановое явление. Они образуют значительный массив текстов русской средневековой письменности, в которых отразились не только реальная действительность, но и система духовных представлений, ценностей человека того времени. Способом репрезентации указанных понятий являются прежде всего вербальные средства. Среди языковых факторов организации текста значительную роль выполняет словообразование. Словообразовательная система древне- и старорусского языка XI-XV вв. относится к числу малоизученных областей науки о языке, хотя жанрово-

стилистическая принадлежность словообразовательных типов, реализация значения производных образований в тексте играют большую роль в формировании русского литературного языка этого периода в целом. Летописи состоят из разнородных по происхождению и содержанию произведений, поэтому в них происходит взаимопроникновение и взаимодействие двух языковых стихий: книжно-славянской и народно-литературной.

Языковая организация летописного текста находится в соответствии с общими тенденциями, представленными в языке изучаемого периода. Многоуровневость языковой системы обуславливает интерес исследователей к разным аспектам языковой деятельности. Поскольку язык представляет собой инструмент, орудие познания и описания действительности, средство общения, каждый его уровень является звеном в общей цепи взаимосвязанных средств, репрезентирующих вербальное мышление. Выдвижение на первый план комплексного подхода к фактам языка составляет специфику научной парадигмы последнего времени. В то же время учеными разных поколений был внесен значительный вклад в разработку вопросов, касающихся собственно словообразовательного уровня языковой организации текста. Наиболее общие вопросы дериватологии получили разработку в классических трудах А.А.Потебни, Ю.В.Откупщикова, В.В.Виноградова, Г.О.Винокура, В.М.Маркова, Г.А.Николаева, Е.А.Земской, И.С.Улуханова, В.В.Лопатина и др. Изучение более частных вопросов функционирования деривационных механизмов русского языка проводилось в разных аспектах в работах Ю.С.Азарх, Ж.Ж.Варбот, Г.А.Пастушенкова, В.И.Максимова, О.Г.Ревзиной, Л.В.Вялкиной, В.Л.Воронцовой, Г.М.Мижевской, И.В.Гореловой и др. В исследованиях Е.А.Жирмунского, Н.П.Зверковской, Э.А.Балалыкиной, С.В.Фроловой, В.А.Белошапковой, Е.А.Земской, В.А. Низинской, Н.И.Букатевица и др. прослеживается история адъективного словообразования, рассматриваются пути формирования суффиксов имен прилагательных, анализируется функционирование производных адъективов в памятниках письменности разных эпох.

В рамках современных направлений лингвистических исследований находится предпринятое в диссертации изучение фактов словообразования во взаимодействии собственно лингвистических подходов, а именно с учетом деривационного, парадигматического и функционального аспектов, а также экстралингвистических подходов – когнитивного, аксиологического и культурологического характера.

Словообразование является одним из основных способов номинации, имеющих свои закономерности и специфические особенности, в том числе и в области семантики. Изучение деривационного процесса как одного из наиболее распространенных актов номинации в диахроническом аспекте позволяет выявить общие и отличительные черты в процессе словопроизводства в древнерусском и современном русском языке, а также проанализировать особенности семантики производного слова в определенный исторический период, установить области ее референции. Словообразование является действующим механизмом языка, активно участвующим в построении текста и реализующим при этом творческое и эстетическое начало языковой деятельности. Словообразова-

ние играет важную роль в организации языковой картины мира в любой исторический период развития языка, в том числе и в период средневековья. Элементы языковой картины мира обладают как устойчивыми свойствами, репрезентирующими непреходящие ценности в сознании народа, так и переменными свойствами, связанными с политическими, социальными, экономическими и другими условиями жизни народа в тот или иной исторический период времени. Отражение явлений внешнего мира, в процессе которого происходит его познание и оценка, осуществляется разными средствами языкового выражения, в том числе деривационными.

Производные образования составляют значительную часть словарного состава древнерусского и старорусского языка, причем часть постоянно изменяющаяся, подвижную, развивающуюся, а потому изучение этой категории слов позволяет представить особенности материальной и духовной жизни человека, его взглядов на природу и общественные отношения. Словообразовательные средства в древне- и старорусском языке не только выполняют важную номинативную функцию, но и тесно связаны с жанрово-стилистическими особенностями произведений. Словообразование сыграло значительную роль в формировании стилистического своеобразия русского языка, особенно на начальных этапах его развития, когда словообразовательные средства были четко дифференцированы по стилям употребления. Это связано с тем, что образование основных стилистических разновидностей русского литературного языка происходило в сложном процессе взаимодействия двух языковых стихий: книжно-славянской и народно-литературной, каждая из которых имела свою систему деривационных средств. Исследованием проблем исторического словообразования и исторической стилистики на протяжении многих лет занимаются ученые Казанского университета. Значительный вклад в разработку данного направления лингвистической мысли внесли профессора В.М.Марков, Г.А.Николаев, Т.М.Николаева и др.

В древнейших письменных памятниках, к числу которых относятся летописные своды, находит отражение сформировавшаяся в основных чертах словообразовательная система древнерусского языка. Она представлена рядами словообразовательных типов, отличавшихся большей или меньшей продуктивностью. Анализ производных форм позволяет проследить, какие предметы и явления окружающего мира получают интерпретацию с помощью средств словообразования.

Цель исследования заключается во всесторонней комплексной характеристике системы именного словообразования в языке русских летописей.

Для осуществления данной цели были поставлены следующие задачи:

1. описать словообразовательную систему древне- и старорусского языка, отразившуюся в памятниках летописного жанра;
2. выявить основные продуктивные и непродуктивные типы именного словообразования в сфере субстантивного и адъективного словопроизводства;
3. охарактеризовать синтагматический и парадигматический аспекты функционирования производных форм в языке русских летописей;

4. определить словообразовательную семантику производных имен с учетом синкретизма, свойственного языковым знакам;
5. охарактеризовать место производных имен существительных и прилагательных в лингвокультурологической парадигме летописного текста;
6. выявить специфические черты языковой организации разных летописных сводов;
7. определить роль производных образований в формировании жанрово-стилистических особенностей составляющих летописи произведений;
8. определить функции словообразовательных средств в истории русского литературного языка;
9. наметить наиболее актуальные сферы референции морфологически мотивированных языковых знаков;
10. определить роль производных образований в процессах номинации, в обозначении элементов внешнего и внутреннего опыта человека.

Объектом исследования является именная словообразовательная система XI-XV веков (древнерусского и начала старорусского периодов), отраженная в летописных текстах, а также деривационные отношения, существовавшие на этих этапах исторического развития.

В качестве **предмета** выступают субстантивные и адъективные словообразовательные морфемы. Разнообразие изучаемых средств было обусловлено их ролью в организации стилистического своеобразие текстов. Взаимодействие книжно-славянской и народно-разговорной языковых стихий способствовало формированию русского литературного языка изучаемого периода. Каждая из этих стихий обладала своим набором фонетических, морфологических, лексических и словообразовательных средств. Наиболее выразительными в деривационном отношении оказывались производные имена существительные. Так, образования с общеславянскими по происхождению суффиксами *-тель*, *-ость*, *-(е)ние*, *-ство*, *-ствие* употреблялись преимущественно в отрывках, связанных с книжно-литературными жанрами. Это было вызвано необходимостью передачи на славянской почве значительного пласта отвлеченных понятий. В этот период функционировали и стилистически нейтральные, немаркированные модели: образования с суффиксами *-(ьн)икъ*, *-ьць*, *-ьба*, нулевым – одинаково частотные в разных жанрах древнерусской письменности.

В языковой системе летописных текстов отражаются словообразовательные отношения определенного исторического периода. Все производные имена существительные распределяются по двум основным центрам словообразовательной системы – наименование лица и наименование действия. Продуктивность имен со значением лица обусловлена актуализацией в личных дериватах социального компонента значения, связанного с отражением познавательной и практической деятельности человека. Второй семантический центр словообразовательной системы представлен высокопродуктивными формами со значением отвлеченного действия. Они используются для номинации явлений, в которых отражается ценностное видение мира, в древнерусский период связанное с религиозным мировоззрением.

Кроме полей деятеля и действия, в русском языке выделяется поле вещи, которое, однако, не имеет собственных словообразовательных средств, а использует суффиксы поля деятеля или поля действия и состояния¹. Использование словообразовательных возможностей языковой системы в сфере номинации вещей не столь характерно для изучаемого периода, поскольку наименования предметов вещного мира представлены в большинстве случаев неприводными образованиями, относящимися к более древнему пласту лексики, представляющими собой чаще всего деэтимологизированные формы.

Отличительной особенностью семантики производного слова является ее обусловленность значением производящей основы. Смысловая структура производного слова формируется на основе значения его составных частей. Функционирование производных слов может принимать принципиально иную форму, чем функционирование простых слов, поскольку они обладают свойством двойной референции. Производные слова обращены не только к внешнему миру, но и к миру слов, выступающих в качестве исходных языковых единиц, на базе которых формируются новые языковые конструкторы с собственным содержанием и собственной предметной отнесенностью.

Таким образом, производные образования, как специфические языковые единицы, требуют особого исследовательского подхода. При анализе производных имен необходимо учитывать факторы как парадигматического, так и синтагматического плана. Слово одновременно и прикреплено к контексту, и находится в деривационных отношениях с производящим для него словом. Семантика производного слова определяется как его словообразовательными связями с производящей, мотивирующей основой, так и позицией в синтагме, в которой происходит актуализация того или иного смыслового компонента синкретичного образования или даже появление новых смыслов в составе устойчивых выражений формульного характера, столь свойственных древнерусским текстам.

Учет словообразовательных отношений позволяет выявить те семантические компоненты в производящем имени, которые послужили толчком к развитию семантики производного слова. Кроме того, двучленная структура производного слова определяет необходимость учета словообразовательного значения аффикса, который в именных частях речи выполняет разную семантическую и, что важно для древнерусского периода, стилистическую функцию. В этом существенная разница именного словообразования в сфере субстантивных и адъективных основ. У субстантивных образований суффикс семантически и стилистически маркирован. У адъективных форм суффикс семантически и стилистически недифференцирован и чаще всего связан с выражением не столько словообразовательного, сколько словообразовательно-грамматического значения, формируя различные разряды слов данной части речи.

Появление производных образований в языке – это важнейший этап эволюции языковой системы, естественно отразившийся в самых древних дошед-

¹ Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969. С.37.

ших до нас памятниках уже в готовом виде. Многообразие структурных типов производных образований, их семантическая многоплановость свидетельствуют о сложности и разветвленности строения деривационной системы древнерусского языка. Данное обстоятельство, в свою очередь, знаменует определенный этап в развитии мышления человека средневековья, отражает его способность к восприятию сложных, отвлеченных и абстрактных понятий, пришедших вместе с принятием христианства. Именно религиозное мировидение способствовало развитию философских взглядов и представлений, самого абстрактного мышления человека средневековья, в результате чего происходило формирование в языке лексических средств выражения отвлеченных понятий.

Методы исследования. Цель и задачи исследования, специфика фактического материала, ориентация на многоаспектность изучения языковых фактов определили использование в работе ряда исследовательских методов. Семасиологический подход к анализу производных образований сочетается с ономасиологическим. Широкое применение описательно-аналитического метода в процессе работы над текстом позволило установить функциональные особенности именных производных форм и систематизировать их. Производные имена существительные и прилагательные исследуются с позиций системного подхода в функциональном и культурологическом аспектах. Специфика летописного жанра определяет использование в диссертации метода сопоставительного анализа языка различных летописных сводов, а также составляющих летописи отдельных произведений. Применение текстологического метода позволяет установить исторические закономерности изменения текста в целом и отдельных лексических единиц в частности. По мере необходимости используется статистический метод обработки материала. В качестве вспомогательных применяются методы компонентного анализа лексической семантики, метод дистрибутивного анализа лексики в стилистически маркированных и немаркированных отрывках текста. При изучении исторической семантики слова интегрируются и общенаучные методы: наблюдение, описание, обобщение, сопоставление.

Основным материалом исследования послужили наиболее выдающиеся памятники русского летописания. Самым ярким образцом русской летописи является «Повесть временных лет» (далее ПВЛ), которая легла в основу всех последующих русских летописных сводов. ПВЛ относится к памятникам монастырского летописания, поэтому в ней значительное место занимают религиозные произведения. Наиболее древний из дошедших до нас летописных сводов – Новгородская I летопись по Синодальному списку (далее НЛ) – относится к памятникам городского летописания, в которых главное внимание уделяется описанию событий внутригородской жизни. Софийская I летопись (далее СЛ), восходящая вместе с Новгородской IV летописью (далее НIVЛ) к общему источнику, явилась основой всего общерусского московского летописания второй половины XV и XVI веков. Один из важнейших памятников летописания XV века – Московский летописный свод 1479 г. (далее МЛС) – является памятником светского, великокняжеского летописания. МЛС отличается от традиционных летописей существенным влиянием приказного делопроизводства, откуда заимствуется текст большинства приводимых документов. Самобыт-

ным характером отличается Галицко-Волынская летопись (далее ГВЛ), дошедшая до нас в составе знаменитого Ипатьевского летописного свода (далее ИЛ) и представляющая собой вершину в развитии южно-русского исторического повествования. Кроме перечисленных и наиболее известных памятников летописания, в диссертации используются данные и других летописных сводов, созданных на Руси до XV века включительно. Привлечение в качестве материала для исследования летописных памятников, созданных в разных культурно-исторических центрах Русской земли, в разное время, разными авторами позволяет выявить целый комплекс экстралингвистических факторов, повлиявших на развитие лексической системы русского языка и связанных с социальными явлениями, с историей общественного развития, с географическим расположением и т.д. Ограничение исследования рамками летописных сводов XI-XV веков обусловлено тем, что в середине XVI века летописание начинают вытеснять другие виды исторического повествования и оно приходит в упадок.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что в нем впервые представлено комплексное описание системы именного словообразования в языке русских летописей. В работе анализируются производные имена в лингвокультурологической парадигме летописного текста, представляющей собой совокупность языковых форм, отражающих этнически, социально, исторически детерминированные категории мировоззрения. Впервые выявляются все словообразовательные типы имен существительных и прилагательных в языке русских летописей и дается их структурный, семантический, концептуальный, культурологический анализ. Осуществляется осмысление процессов деривации как основного пути пополнения словарного состава языка, прослеживается взаимодействие различных элементов языковой системы, что позволяет установить изменения в значении и условиях употребления основных словообразовательных моделей русского литературного языка XI-XV веков.

Теоретическая значимость диссертации определяется ее вкладом в решение актуальных проблем современного языкознания, связанных с решением вопросов о принципах номинативных построений, а также способах хранения и переработки информации в человеческом сознании. Проведенное исследование дает комплексное представление о системе деривационных средств русского литературного языка XI-XV веков, основных принципах словопроизводства, развитии именного словообразования. Привлечение значительного количества контекстов позволяет вскрыть механизм взаимодействия книжно-славянской и народно-разговорной языковых стихий, увидеть специфические области их референции, а также определить точки соприкосновения, пересечения, возникающие в преддверии формирования единой системы литературных норм. Вследствие стилистического анализа именных производных форм в условиях конкретного контекста устанавливается статус мотивированных языковых единиц в лексическом строе древнерусских летописей, их текстообразующая роль. Проведенное комплексное изучение производных форм в языковой системе древнерусских летописей вносит свой вклад в решение теоретических вопросов исторического словообразования, лексикологии, семасиологии русского языка.

Практическая значимость работы заключается в том, что выводы и материалы исследования дают представление о языковых особенностях значительного количества памятников письменности, являются важными источниками для создания объективной и полной истории словообразовательной системы древне- и старорусского языка. Результаты исследования могут быть использованы в лекциях и семинарах по словообразованию, исторической грамматике, исторической лексикологии и истории русского литературного языка. Разработки, представленные в диссертации, могут быть учтены при подготовке учебных пособий и спецкурсов по актуальным проблемам словообразования и лингвистическому анализу текста.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Летописи представляют собой важнейший источник изучения русского литературного языка древнего периода. В них представлена языковая картина мира, воплощена духовная культура русского народа, отражена история Русского государства, воссоздан литературный процесс средневековья. В летописных сводах отразилась ментальность русского народа и способы категоризация мышления периода средневековья, нашедшие воплощение в языке как важнейшем компоненте духовного инструментария общества. Русский язык, вобравший в себя две языковые стихии, отражает бинарность средневекового мира, включавшего мир реальной действительности и мир умозрительных религиозных представлений, закрепленных христианской традицией.

2. Языковые средства организации текста составляют лингвокультурную парадигму произведений словесного творчества. Ключевые концепты культуры, отраженные в средневековом сознании и выраженные посредством языка, участвуют в формировании понятий и создании связной картины мира. Культурные универсалии, представленные в летописном тексте, отражают особенности культурной маркированности данного типа дискурса. В языковых единицах обобщаются результаты человеческого опыта, отражается мыслительная деятельность универсума, в том числе в отдаленные во времени эпохи.

3. Летописные своды, отразившие язык своего времени в наиболее полных и многообразных его проявлениях, дают богатый материал для исследования ценностных представлений средневекового человека и позволяют реконструировать особенности его языкового сознания через анализ категорий национальной культуры, представленных в тексте. Интерпретация предметов и явлений окружающего мира с помощью средств словообразования выявляет значимые для человека элементы внеязыковой действительности.

4. В разножанровых произведениях, составляющих летописное повествование, представлены разные стилистические стихии, яркими репрезентантами которых в древнерусском и старорусском языке являются словообразовательные средства. Арсенал словообразовательных средств представлен стилистически маркированными и немаркированными аффиксами, участие которых в деривационном процессе контекстуально и содержательно обусловлено. Жанровое своеобразие летописных произведений определяет дистрибуцию определенных словообразовательных типов. Функциональные, семантические, стилистические особенности данных групп производных слов выявляются в

контексте, в составе синтагм, являющихся ключевым принципом построения древнерусского текста.

5. Богатство словарного запаса русского языка начального этапа его формирования определяется богатыми словообразовательными возможностями языковой системы. Словообразование является важнейшим средством номинации, формирующим обозначения элементов внешнего и внутреннего опыта человека. Деривационный механизм языковой системы участвует в категоризации объектов внеязыковой деятельности. В производных образованиях объективируются сведения о мире, полученные человеком в процессе его деятельности. Словообразовательный акт, сопровождающийся транспозицией языковых знаков, определяет свойство производных наименований к двойной референции, отражающейся в формальной и смысловой структуре расчлененным образом.

6. Наиболее продуктивные типы именного словообразования распределяются по двум основным полям словообразовательной системы – полю деятеля и полю действия и состояния. Словообразовательные поля обладают определенным набором суффиксов, соотношение которых по продуктивности, а также по дистрибуции формирует структуру поля. Поля иерархизованы в языке, во главе иерархии стоит поле деятеля. Поле действия и состояния и поле вещи связаны с полем деятеля, причем поле вещи не имеет собственных суффиксов, а использует деривационный потенциал двух остальных полей. Основные центры системы именного словообразования выполняют строго определенную роль в организации ментально-культурного пространства языка средневековья, и в частности языка летописей.

7. Производные имена со значением лица составляют важный семантический центр словообразовательной системы русского языка. В средневековый период продуктивность имен со значением лица обусловлена актуализацией в них социального или религиозного компонента значения, связанного с представлением о месте человека в иерархии феодальных отношений, с одной стороны, и его оцениванием в соответствии с морально-этическими представлениями своего времени, с другой. Поскольку словообразованию свойствен антропоцентризм, поле деятеля составляет содержательный центр русской словообразовательной системы. С древности в языке используется целый ряд суффиксов для номинации человека, каждый из которых выполняет определенную функцию. Сформировавшийся к этому времени арсенал словообразовательных средств удовлетворял потребности подобной номинации.

8. Второй семантический центр словообразовательной системы представлен высокопродуктивными формами со значением отвлеченного действия, изучение которых в летописных текстах позволяет реконструировать духовную культуры средневековья. Производные имена со значением действия отличались от производных имен со значением лица как структурными, так и семантическими особенностями. Если имена со значением лица могли иметь разную соотношенность, то большинство имен со значением действия – только глагольную. Если имена со значением лица чаще всего конкретны и однозначны в обозначении человека, то имена со значением действия синкретичны по семантике. Совмещение категориальных значений предметности как основной граммати-

ческой характеристики производного имени и процессуальности как основной грамматической характеристики производящего глагола приводит к развитию у данных имен наряду с основным значением действия любого из возможных значений существительного. Они способны совмещать разнообразные оттенки значения в пределах одного словоупотребления или развивать различные вторичные значения, связанные с действием. Кроме того, семантика имени действия модифицируется в зависимости от смыслового содержания мотивирующего глагола.

9. Выражая основные смыслы бытия, язык вырабатывает наряду с обозначением конкретных понятий средства и способы обозначения качеств и признаков предметов, явлений и лиц. В сфере именного словообразования значительное место принадлежит производным адъективам. В производных именах прилагательных нашли воплощение важные прагматические и аксиологические мотивировочные признаки объектов внеязыковой действительности. Занимая зависимое положение в синтагме, прилагательные играли значимую роль в номинативных построениях. Имена прилагательные обладают набором специальных суффиксов, являющихся отличительной чертой данного класса слов, хотя эти суффиксы семантически менее весомы и разнообразны, чем суффиксы существительных. В летописных текстах представлено значительное количество производных адъективов разных суффиксальных типов, грамматические и семантические особенности которых синтагматически, словообразовательно и стилистически детерминированы.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были изложены в форме докладов на более чем 30 международных, всероссийских, межвузовских, региональных научных и научно-практических конференциях в период с 1998 по 2010 годы в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Познани, Киеве, Казани, Чебоксарах, Туле.

Основные выводы и идеи диссертации нашли отражение в монографии «Именное словообразование в лингвокультурологической парадигме летописного текста», которая вышла в печать в июне 2010 года (14,88 п.л.), а также в 59 публикациях по теме исследования и двух научно-методических пособиях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы, перечня источников и словарей. В первой главе представлены теоретические положения, на которых базируется решение исследовательских задач. В последующих главах проводится анализ отобранного эмпирического материала с учетом системного подхода к изучению языковых единиц, предполагающего парадигматический и синтагматический аспекты изучения отношений между знаками.

Содержание работы

Во **Введении** раскрывается актуальность темы исследования, определяются цели и задачи работы, обосновывается выбор основных источников и методов исследования, отмечается научная новизна, теоретическая и практическая значимость диссертации, даются сведения об апробации ее результатов, формулируются положения, выносимые на защиту.

В Первой главе «Реконструкция «языка культуры» средневековья по данным летописных источников» определяется место летописных сводов в культурном наследии Древней Руси.

В разделе 1.1. *«Тексты летописного жанра как литературный, исторический, культурный и языковой феномен»* дается общая характеристика русского летописания, отмечается, что многочисленные летописные своды, создаваемые в течение восьми веков, с XI до начала XVIII века, являются ценным источником исследования для специалистов гуманитарного профиля: историков, юристов, литературоведов, культурологов и других. Особое значение имеет материал русских летописей для ученых-лингвистов. В летописях отражаются не только важнейшие исторические события, происходившие в разных культурно-исторических центрах Русской земли, но и ценнейшие сведения по истории русского литературного языка. Материал летописей позволяет проследить за сложными процессами взаимодействия и взаимопроникновения двух языковых стихий, на базе которых складывался русский литературный язык.

Летописи представляют собой компилятивные памятники, результат работы нескольких авторов. Каждый последующий летописец создавал свой вариант летописного повествования, внося свое понимание исторических и религиозных событий, поэтому в летописях отражается несколько культурных слоев. Однако языковые особенности летописных сводов оказались связанными не столько с политическими установками ее составителей, сколько с жанровыми особенностями той или иной погодной статьи, а также с местными историческими событиями, отраженными в них.

В разных летописных сводах отражено единое культурное пространство, единый культурный процесс русского средневековья. В то же время каждый свод имеет и свои индивидуальные языковые черты, связанные с местом и временем составления памятника. Летописные своды различаются не только внешними характеристиками, например, объемом, но и содержанием, что определяет их языковую специфику. В разных летописных сводах по-своему отражаются политические и литературные пристрастия составителей, различна структура, формы повествования, не одинаковы связи с устным народным творчеством и книжной традицией и т.д.

В летописных текстах сведения прикреплены территориально и хронологически, в них описываются исторические и политические события определенных областей, княжеств, местностей, что находит свое отражение в фактах языка. В большинстве погодных статей содержится краткая и сжатая информация о произошедших событиях. Но в ряде случаев летописец прибегал к литературной форме изложения, создавая сюжетное повествование о наиболее значительных событиях русской истории. В погодные статьи входили обращения князей, диалоги, широко использовались в них и литературные штампы: устойчивые речевые формулы, эпитеты, повторы и другие средства.

Летописи в языковом отношении представляли собой звено общей «системы» средневековья. В этот исторический период стилистические особенности текста обуславливались не столько позицией автора, сколько общественной, культурной необходимостью. Элементы текстообразования оказывались в зави-

симости от традиционных трафаретов. С другой стороны, именно летописи испытывали существенное влияние реальной действительности, в них заключалась мощная основа развития русской национальной культуры в целом и русского литературного языка в частности, что способствовало формированию национального сознания русского народа.

Компилятивный характер летописного повествования определяет особенности его языка и стиля. Каждый из жанров, вошедших в состав летописи, имеет свои языковые особенности, изучение которых приобретает особую актуальность в связи с тем, что летописание находится у истоков формирования русского литературного языка.

В разделе 1.2. *«Отражение языкового сознания средневековья в текстах летописного жанра»* язык рассматривается как важнейший фактор культуры, связанный с различными сферами человеческой деятельности, в частности со сферой восприятия и познания человеком окружающей действительности. Языковая картина мира складывается веками и синтезирует материальный и духовный опыт народа, она отражает систему ценностей на определенном этапе развития общества. Поскольку именно в слове отражаются результаты человеческого опыта, раскрываются особенности мировосприятия русского народа, то исследование языка летописей позволяет определить семантическую структуру слова на разных этапах развития истории и культуры. Памятники письменности содержат богатый материал для исследования ценностных представлений средневекового человека и позволяют реконструировать особенности его языкового сознания через анализ категорий национальной культуры, представленных в тексте. Исследование древнейших текстов позволяет пронаблюдать за формированием русского национального языка, а также его концептосферы, отражающей потенциальные возможности словарного запаса.

Важной частью лингвокультурного анализа летописных памятников является рассмотрение языковых средств организации текста. Особое значение при таком подходе имеет анализ ключевых концептов культуры, отраженных в средневековом сознании и выраженных посредством языка, благодаря которому формулируются понятия и создается связная картина мира. Исследование культурных универсалий, представленных в летописном тексте, позволяет определить особенности культурной маркированности данного типа дискурса. Важным аспектом языкового анализа текста является рассмотрение семантико-аксиологических констант средневековой культуры, отраженных в слове.

Для культурологического исследования летопись как разножанровое произведение, имеющее как светские, так и церковные источники, представляет особый интерес, так как позволяет проанализировать систему значений отдельного слова, а также связанных с этими значениями концептов в разных по содержанию и стилистической окраске фрагментах. Большинство произведений той эпохи носят дидактический характер, пронизаны морализаторством, что определяет особенности лексической организации средневекового текста.

В разделе 1.3. *«Место летописных текстов в культурном контексте средневековья»* определяется роль летописания в формировании русской культуры. Летописи занимают важное место в развитии не только русской литера-

туры, но и культуры в целом, являются национальным феноменом. В лексическом составе летописных сводов, составленных в разных концах Русской земли, отразилась материальная и духовная культура своего времени. Летописи представляли собой компилятивные памятники, включавшие произведения разной жанрово-стилистической ориентации. Для каждой стилистической сферы был характерен определенный набор языковых средств, поэтому применительно к летописям можно говорить, с одной стороны, об общих особенностях языка летописей, отличающих их от других памятников древнерусского периода, как религиозных, так и деловых, и, с другой стороны, об отличительных особенностях отдельных летописных сводов, а также составляющих летописи произведений.

Летописные своды, составленные в разных культурно-исторических центрах Русской земли, в разное время, имеют значительное количество общих черт. Большинство из них написано сухим, однообразным языком, что соответствовало задачам, стоящим перед летописцем: исторически точно описать происходившие события, к числу которых относились рассказы о походах и смертях князей, событиях церковной жизни, затмениях солнца, эпидемиях. Летописные своды имеют общую тематику: в них описывается история княжеств, русская история в целом. В летописи находят отражение не все события того или иного исторического отрезка времени, а лишь наиболее «официальные» из них, поэтому в них не отражаются бытовые особенности, не описывается социальный уклад. Объясняя причины различных событий, автор отвлекается от констатации фактов, трактуя их в свете христианского мировоззрения. Поэтому в разных летописях практически не отличаются языковые средства, используемые для передачи элементов духовной культуры, отражающей религиозное мировидение средневековья. Более разнообразны в летописях лексические средства выражения материальной культуры, отличающейся большей темпоральной и локальной обусловленностью.

В разделе 1.4. *«Внутрилингвистические и экстралингвистические факторы в формировании языковых особенностей летописных сводов»* рассматриваются условия, повлиявшие на образование летописного языка. Стилистическое разнообразие языкового материала летописных текстов во многом обусловлено жанровым разнообразием летописи как факта литературного процесса. Поэтому исследование языка летописного текста начинается с изучения специфики его литературного жанра. Возникновение жанра летописи связано с внешними обстоятельствами. Они создавались в связи с определенными историческими событиями: началом княжения того или иного князя, построением соборов, с учреждением архиепископств и др. Исторические данные необходимы при изучении летописей, так как позволяют представить ситуацию возникновения памятников и те условия, в которых они создавались. Язык находится в зависимости и от общего состояния культуры, которая является неотъемлемым компонентом реальной действительности. Благодаря языку можно постичь ментальность нации, систему взглядов древних людей на мир, общество и самих себя.

Без привлечения данных экстралингвистического характера невозможно провести сравнительное изучение языковых особенностей разных летописных

сводов. Чем сильнее различаются условия составления памятников, тем ярче проявляются различия на собственно языковом уровне. Своеобразие лексического состава ПВЛ обусловлено ее разножанровым характером, многообразием вошедших в нее произведений религиозного, светского, фольклорного происхождения, переводных и агиографических текстов. Своеобразие НЛ заключается в ее подчеркнуто местном характере и стилистическом однообразии погодных статей. Новгородское летописание существенно отличалось от летописания других русских городов стилем, тематикой, языком, что было связано не только с внутренними закономерностями развития языка, новгородскими диалектными особенностями, но и с «внешней историей» языка, а именно с политическими событиями в Новгороде. Строительство, урожай, природные явления и стихийные бедствия, торговля – вот те стороны жизни, которые постоянно привлекают внимание новгородцев. Специфика ГВЛ связана с вниманием летописца к взаимоотношениям князей, политике, междоусобицам, воинским походам – отсюда обилие изысканных образов и поэтических фигур. Отличие ГВЛ от других летописных сводов заключается во внимании ее авторов к героической теме, которая проработана очень детально. Поэтому в ней почти полностью отсутствует церковное начало, все повествование проникнуто духом светских, дружинных представлений. В ГВЛ отразились особый стиль, оригинальная повествовательная и изобразительная системы, развивавшие достижения древнейшего летописания XI-XII веков. С усилением документального начала связана разработка новых приемов описания, новых типов повествования, в связи с чем ее язык отличается большей конкретностью и детализацией, меньшей традиционностью.

С официальным характером МЛС связано пристрастие его авторов к точным хронологическим выкладкам. Летописец имел все необходимые документы государственного архива, которые он и цитировал, составляя справки, стремясь быть точным в передаче событий. Язык делового письма широкой струей вливается в летопись, так как это необходимо для точной передачи фактов. Комментарии и специфические летописные обороты, авторские морализаторские отступления исчезают из летописного обихода в местах, описывающих современные летописцу события и воинские эпизоды.

Вопрос о взаимодействии внутри- и экстралингвистических факторов в развитии языка есть отражение широких проблем взаимоотношения языка и мышления, языка и общества. В древнерусских текстах отразился дуализм средневекового восприятия действительности с его пережиточными языческими традициями, с одной стороны, и новой христианской традицией – с другой. Данное обстоятельство определяло разнообразие речевых формул, их идейное, тематическое, стилистическое многообразие, почерпнутое из двух источников – «образцовых» текстов, представляющих новое церковное направление, и фольклорных источников, представляющих старую эпическую традицию.

Деривационные средства, являющиеся структурными элементами языковой системы, строительным материалом языка, проявляют разную продуктивность и стилистическую маркированность в историческом плане, что связано с

действием как собственно языковых закономерностей, так и с влиянием внешних по отношению к языку факторов.

В разделе 1.5. «*Воплощение ценностно-смысловых форм языка культуры в стилистически значимых словообразовательных моделях*» анализируется культурная маркированность производных единиц. Язык теснейшим образом связан с культурой, концентрируя в себе ее достижения, обобщая результаты человеческого познания. Изучение языка позволяет проникнуть в ментальность и воззрения древних людей на мир, общество и самих себя.

В летописях нашли отражение наиболее продуктивные словообразовательные типы имен существительных в русском языке. В период формирования письменности регулярные деривационные модели имели стилистическую прикрепленность и составляли оппозицию маркированных и немаркированных форм. Производные образования, обладавшие языковой мотивированностью, получали прикрепленность к определенному типу речи, где они реализовывали свои словообразовательные потенции. Стилистическая приуроченность словообразовательных категорий, имевшая важное значение в древнерусский период в связи с возможностью словообразовательных средств выступать в качестве дополнительного средства актуализации противопоставления «светский» – «религиозный», затухает по направлению к современности.

Семантические и стилистические особенности производных слов связаны с их двухэлементным составом, который является результатом динамического процесса синтеза слова. В древнерусском языке нашла отражение оригинальная, самобытная деривационная система, своеобразие которой проявляется не столько в характере используемых словообразовательных средств, носящих общеславянский характер, сколько в тех смысловых и стилистических оттенках, которые появляются в слове в результате словообразовательного акта интеграции производящей основы и словообразующего аффикса.

В средневековых текстах наиболее значимое место занимал язык конфессиональной культуры, отражавший архетип языкового сознания той эпохи. Репрезентация религиозных значений в производных именах зависит от стилистической маркированности морфем. В формах с суффиксами отвлеченного значения *-(е)ние*, *-ость*, *-ьство*, *-ьствие* и под., явившимися результатом интеграции более простых формантов, такая актуализация представлена чаще, чем в формах с суффиксами *-ьць*, *-ьба*, нулевым словообразовательным формантом и другими аффиксами, отличавшимися меньшей частотностью употребления.

В производных образованиях пересекаются культурная и словообразовательная маркированность. Культурная маркированность обуславливается значением производящей основы, ее возможной отнесенностью к сакральной сфере. Так, большинство форм с самыми продуктивными в древнерусский период суффиксами отвлеченного значения *-(е)ние*, *-ость*, *-ьство* связаны с обозначением религиозных понятий и фиксируются в летописных текстах в отрывках возвышенного содержания.

Каждая именная часть речи по-своему, специфически репрезентирует деривационные отношения, сложившиеся в системе языка. В сфере именного словообразования значительное место принадлежит производным адъективам.

Словообразовательные суффиксы прилагательных, будучи тождественными по происхождению с суффиксами существительных, оказались отличными от них в связи с особыми грамматическими свойствами данной части речи, в которой грамматические категории оказались зависимыми, согласовательными. Поэтому суффиксы прилагательных не участвуют в формировании грамматических категорий этой части речи, в то время как у существительных деривационные функции аффиксов тесно связаны с их морфологическими функциями. Субстантивное и адъективное словообразование характеризуется специфическими отношениями между производящими и производными основами, особыми словообразовательными значениями деривационных средств, что позволяет обеспечить язык разнообразием новых слов, отвечающих возникающим ономастическим потребностям.

Во Второй главе **«Роль производных образований со значением лица в объективации механизмов духовно-практической деятельности человека средневековья»** рассматриваются производные образования со значением лица, составлявшие один из семантических центров деривационной системы древнерусского языка.

Раздел 2. 1. *«Иерархия производных образований с суффиксом -(ьн)икъ как отражение системообразующих культурно-национальных отношений в языке»* посвящен анализу наиболее продуктивного словообразовательного типа в сфере личных дериватов. Специфический подход к описанию человеческой личности в произведениях средневековой литературы связан с ее восприятием сквозь призму христианского мировоззрения, согласно которому человек был связан с миром идеальным, с одной стороны, и миром реальным, с другой стороны. Хотя представление о человеческой личности предполагало единство души и тела, однако приоритет первого компонента его личности был безусловным.

Внимание к человеку отражается во всех произведениях средневековой литературы, в том числе в летописях. Одним из основных средств номинации в этой лексической сфере является словообразование. Анализ личных дериватов позволяет реконструировать «образ человека» средневековья, поскольку в фактах словообразования выявляется своеобразие в лексико-семантическом освоении мира, свойственное определенному периоду развития языка. Производные имена со значением лица, как и другие дериваты, относятся к особым языковым единицам, смысловая структура которых представляет определенную комбинацию словообразовательного значения суффикса, лексико-грамматического значения производящей основы и разных типов смысловых приращений.

Имена с суффиксом *-(ьн)икъ* широко представлены в различных летописных сводах, выступая прежде всего с мутационным словообразовательным значением. Функциональные, семантические особенности образований на *-(ьн)икъ* выявляются в контексте, в стилистически значимом окружении, в связи с тематическими условиями текста и его содержанием. Распределение дериватов с формантом *-(ьн)икъ* по лексико-тематическим группам, отнесенность к которым определяется семантикой производящих основ этих имен, оказывается различным в исследуемых летописях. Характер дериватов на *-(ьн)икъ* зависит от содержательной и тематической направленности произведений, вошедших в

состав той иной летописной статьи, их идейных установок и манеры самого летописца.

Суффикс *-(ьн)икъ* относился к нейтральным словообразовательным средствам древнерусского языка, поэтому стилистическую маркированность образования с ним приобретали при мотивировке определенным кругом производящих основ. В иерархии средневековых ценностей особое место занимала сфера сакрального, поэтому имена на *-(ьн)икъ*, связанные с обозначением человека по его отношению к церкви, отличались стилистической значимостью: *исповѣдъникъ*, *скимъникъ*, *псаломъникъ*, *кѣлеиникъ*, *кѣнижъникъ*. Частотны в летописях образования религиозного значения, характеризующие лицо в соответствии с основными ценностными установками христианской морали типа *праведъникъ*, *грѣшьникъ*, *мученикъ*.

Наряду с этим в летописи представлена и другая сторона человеческой жизни, обращенная к мирской сфере, в которой важны заслуги человека перед городом, княжеством, другими людьми и т.п. Этот аспект человеческой личности, носящий утилитарный характер, находит отражение в языковых номинациях, объединяемых в лексико-семантическую группу имен с общим значением наименование людей по роду занятий. В летописных сводах, отличающихся документализмом и фактографичностью в отображении событий, МЛС, НЛ и под., значительное количество личных дериватов на *-(ьн)икъ* относятся к этой группе: *котельникъ*, *каменьникъ*, *плотьникъ*, *щитьникъ* и др. Среди них представлены наименования лиц – участников военных событий: *лодеиникъ*, *копейникъ*, *коньникъ*, *ратьникъ*, *оружьникъ* и др. Всестороннее отражение в исследуемом жанре государственной жизни определяет частотность наименований представителей власти: *посадъникъ*, *намѣстникъ*, *сѣвѣтьникъ*, *сановъникъ*.

Словообразовательное средство – суффикс *-(ьн)икъ* – само по себе не свидетельствует о степени ценности того или иного понятия, легшего в основу номинации лица, для средневекового сознания. Однако производные формы с данным формантом занимают разное место в логической структуре культуры того времени. Они образуют своеобразную иерархию форм, отражающую системообразующие культурно-национальные отношения в языке. Наиболее возвышенные в стилистическом отношении дериваты в смысловом плане представляют сакральную сферу; меньшей стилистической значимостью характеризуются дериваты, связанные с репрезентацией социальной сферы, и, наконец, нейтральные в стилистическом отношении и даже сниженные формы характеризуют лицо по отношению между людьми в мирской и военной сферах. Суффикс *-(ьн)икъ* используется в сфере производства имен лиц самого различного значения, которые отражают основные семантические оппозиции средневекового сознания: «сакральный» – «профанный», «военный» – «гражданский», «исконный» – «иноземный». Часть форм, особенно имеющих социальное значение, составляют оппозицию «высший» – «низший».

В разделе 2.2. «Организация смысловой структуры производных имен с суффиксом *-ьць* в связи с характером их деривационных связей» определяется место суффикс *-ьць* в арсенале словообразовательных средств древнерусского языка. Он относится к стилистически немаркированным деривационным сред-

ствам, следовательно, его использование для номинации лица лишено коннотативной составляющей. Однако суффикс *-ьць* активно используется в формировании одной из наиболее важных семантических сфер русского макрокосма, удовлетворяя потребности в номинации лица по различным признакам. В структуре поля деятеля, составляющего один из основных семантических центров словообразовательной системы языка, суффикс *-ьць* в средневековый период развития языка отличался высокой продуктивностью. Характер личных дериватов с суффиксом *-ьць*, так же как и других производных образований со значением лица, свидетельствует о степени вовлеченности в культурный, исторический и социальный контекст эпохи тех или иных лиц.

Деривационные отношения, реализуемые производными именами на *-ьць* с этим суффиксом в летописном языке, оказываются разнообразными: они могут мотивироваться основами глаголов, прилагательных, существительных. В изучаемый период имена на *-ьць* соотносились преимущественно с глаголами, хотя их связь с глаголами носила опосредованный характер, поскольку исторически они были образованы от корневых имен². Однако уже в древнерусский период в семантической структуре образований на *-ьць* усиливается вербальный компонент, что связано с характером номинации в именах с данным формантом. Основное назначение этого суффикса в древнерусском языке – наименование лица по роду занятий, то есть действующего лица. При этом большинство девербативов на *-ьць* приобретали различные смысловые приращения к семантике производящей основы, так как являлись наименованиями лица по должности, роду занятий, профессии и выступали как слова со специализированным содержанием.

В летописных произведениях разной жанрово-стилистической направленности описание еще лишено психологизма, поэтому в производных образованиях на *-ьць* актуализируется указание не на внутренние качества человека, а на его деятельность, поведение, отношение к религии, политике и воинской службе. С документальным характером летописания связано употребление значительного количества форм на *-ьць*, называющих лицо по роду деятельности: *купьць, письць, ловьць, гоньць*; должностному положению: *думьць, рядьць, сановьникъ, съвѣтъникъ*; военному положению: *боець, гребьць, стрѣльць, сѣчьць*.

Наименования лиц религиозной семантики среди девербативов на *-ьць* немногочисленны. Они характеризуются устойчивостью значения, репрезентируя особые смысловые отношения с производящими глаголами. Такие образования, как *творьць, жрьць, съдържьць*, являются словами со специализированным содержанием, закрепившимися в религиозной сфере.

Среди деадъективов на *-ьць* представлены те же лексико-семантические группы, что и среди девербативов, однако количественное распределение форм по подгруппам оказывается иным. Наиболее распространены деадъективы на *-ьць* религиозного значения с устойчивой семантикой, среди которых самым частотными является образования *черньць, старьць, мудрьць*. В образованиях от основ прилагательных более выражен оценочный компонент семантики. Де-

² Варбот Ж.Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969. С.82.

субстантивы от нарицательных существительных представлены единичными примерами.

В разделе 2.3. «Производные имена с суффиксом *-тель* в структуре дидактического средневекового мышления» анализируются личные дериваты со стилистически маркированным суффиксом *-тель*. Производные на *-тель* употреблялись преимущественно в произведениях, испытывавших влияние книжно-славянской стихии. В сфере имен со значением действующего лица суффикс *-тель* не имел широкого распространения. Более продуктивными были модели образования отглагольных имен с формантами *-(ьн)икъ* и *-ьць*. В отличие от образований с суффиксами *-(ьн)икъ* и *-ьць*, дериваты с суффиксом *-тель* характеризовались однотипностью производящей базы, а следовательно, однозначностью категориального словообразовательного значения. Они использовались только для номинации действующего лица. При этом суффикс *-тель* занимал третью позицию по степени участия в производстве личных дериватов после рассмотренных выше суффиксов *-(ьн)икъ* и *-ьць*.

На продуктивность и распространение образований с суффиксом *-тель* влияли причины разного характера: генетического, семантического, стилистического, грамматического и собственно словообразовательного. В сфере образований с суффиксом *-тель* действовали противоположные тенденции: с одной стороны, близость к производящему глаголу на первых порах ограничивала продуктивность данной словообразовательной модели, с другой стороны, именно установление соотношенности с инфинитивом в дальнейшем послужило толчком к активизации данного словообразовательного средства.

Обеспечивая возникающие ономаσιологические потребности в номинации лица, суффикс *-тель* занял особое место в ряду других деривационных средств в сфере личного словопроизводства. Это было единственное средство в сфере *nomina agentis*, связь с глаголом у которого была первичной.

С отмеченными обстоятельствами связан рост продуктивности суффикса *-тель* к старорусскому периоду, отразившийся в летописных сводах этого времени в возросшем количестве образований с данным формантом. Кроме того, немаловажную роль сыграл стилистический аспект, характеризующий употребление слов с суффиксом *-тель*. В сфере имен со значением лица это было единственное стилистически маркированное средство, связанное с книжно-славянской традицией, поэтому производные с ним ограничены сферой употребления. В памятниках делового содержания образования с данной морфемой относятся к редким формам.

Вырабатываемые на протяжении веков установки культуры отражаются в способах квалификации личности в соответствии с идеалами того или иного исторического периода. Стилистическая маркированность производных образований на *-тель* определяет степень их вовлеченности в определенный тип дискурса. Среди производных на *-тель* представлены прежде всего имена, которые характеризуются устойчивым терминологизированным значением в религиозной и социальной сфере: *служитель*, *святитель*, *учитель*, *власть*.

В летописных текстах находят отражение стандартизированные приемы характеристики персонажей, отражающие прежде всего официальную позицию,

связанную с христианским мировоззрением. Религиозная точка зрения на человека в произведениях летописного жанра является главенствующей. Автор-летописец постоянно занимается морализированием, осуждая человека за неправомерные поступки, приписывая отрицательным персонажам преимущественно церковные грехи и недостатки. В производных на *-тель* эксплицируются оценки форм поведения человека феодального общества, воссоздающие стандарты его жизни, идеалы и ценности, поэтому среди них значительное количество слов характеризуются негативной семантикой: *мучитель, гонитель, грабитель, томитель, досадитель, прѣдатель* и под. Дериваты на *-тель* часто отличаются яркой оценочностью – положительной или отрицательной, выступая в роли качественно-характеризующих членов предложения.

Раздел 2.4. «*Специфика корреляции имен лиц по признаку пола в социальном контексте средневековья*» посвящен словообразовательной категории женскости, которая принадлежит к числу универсальных языковых категорий. Наименования женщин всегда являются коррелятами к наименованиям мужчин и производны от них по форме. Образования со значением женскости составляют непродуктивный тип имен в летописных текстах. Это связано с характером летописного повествования, отражающего исторические события периода средневековья, когда женщина была ограничена в своих социальных функциях. Противопоставление лиц по признаку пола представлено у небольшой группы производных имен в летописных текстах.

Дериваты со значением женскости выступают с модификационным словообразовательным значением, сохраняя принадлежность к тому же лексико-тематическому разряду и лексико-семантической группе, что и производящее существительное мужского рода, сохраняя важный грамматический показатель – одушевленность – и различаясь показателем родовой принадлежности и типом склонения. Большинство из подобных форм в соответствии с общей системой культурных ценностей средневековья маркированы семой «*религиозный*».

В летописных текстах производные образования, называющие лиц женского пола, характеризуются соотносительностью с производящими основами женского и мужского родов. При этом производное и производящее могут составлять коррелятивную пару по признаку родовой принадлежности, если производящая основа – существительное мужского рода. Наиболее продуктивны пары на *-(ьн)ица/- (ьн)икъ*: *начальница – начальникъ, ключница – ключникъ, заступница – заступникъ*, менее распространены пары на *-ица – -иць*: *черница – черниць*. Часть форм характеризуются устойчивым употреблением, являясь только грамматическими (но не семантическими) коррелятами к производящим именам мужского рода: *владычица – владыка*. Если в качестве мотивирующей основы выступает имя существительное женского рода, производное образование на *-ица* обычно является полным дублетом к нему: *въдовица – въдова*. При этом суффикс служит для уточнения признака субстантивности в древней синкрете.

Другим средством, применявшимся в древнерусский период для производства имен со значением женскости, был формант *-ыни*. Он присоединялся к непроизводным существительным или существительным мужского рода с суф-

фиксом *-инь* и использовался преимущественно для наименования лиц по национальной принадлежности: *грекыни, чехыни, болгарыни*, реже – по социальным функциям, семейным отношениям: *княгыни*. Образования с формантом *-ыни*, относившиеся к книжному стилю, противопоставлены единичным сниженным формам с суффиксом *-ька* типа *дѣвѣка*.

В разделе 2.5. «Производные наименования лиц по этническому и территориальному признаку и формирование этнического самосознания славян» отмечается, что важной задачей лингвистических исследований последних лет становится реконструкция этнической культуры через языковые средства. Это связано с активизацией интереса к антропологической лингвистике, направленной на изучение языка в тесной связи с различными сторонами человеческой деятельности. Разработка теоретических вопросов этнонимии, и прежде всего выяснение закономерностей образования и функционирования этнонимов, имеет важное значение для решения всего комплекса вопросов, связанных с исторической типологией этнических общностей людей. Название народов как определенный этноразличительный признак играет важную роль в формировании этнического самосознания людей.

Наименования лиц по территориальной, этнической, географической принадлежности являются производными формами с модификационным словообразовательным значением. Функция суффиксов, обслуживающих данное словообразовательное значение, была двоякой. Во-первых, продуктивность имен с агентивными суффиксами, образованных на базе этнических и географических наименований, связана с отсутствием у собственных имен номинативного значения. Во-вторых, такие форманты использовались для экспликации значения «совокупность жителей», поскольку производящие для них топонимы и этнонимы характеризовались синкретичностью семантики и регулярно употреблялись не только со значением «территория», но и с метонимическим значением «совокупность жителей данной территории».

Характерной чертой наименований разных групп населения является их морфологическая разнообразность, восходящая к различию в хронологии и диалектных условиях их появления. Наиболее продуктивными суффиксами в этой сфере с древнейшего периода являлись *-анинь(-ане)*, *-ьць*, *-ичь*. В производных именах с этими суффиксами содержится основа этнических или топонимических названий, поэтому отношение лица к названному в основе понятию воспринимается как постоянное, независимо от того, каким суффиксом оно выражено.

В летописях отражается жизнь Русского государства периода его становления, описываются отношения между представителями разных этнических и территориальных общностей. В каждом летописном своде преобладают определенных народо-наименования, связанные с географическим расположением того центра летописания, где создавался памятник. Так, образование *Новгородьци* фиксируется в НЛ 285 раз, практически в каждой погодной статье, что лишний раз подчеркивает местный характер этого произведения, отличающегося вниманием к событиям городского масштаба и их участникам.

Использование этнонимов и катойконимов от названий неславянских родов, народностей, наций: *Ассирияне, Вавилоняне, Измаилтяне, Римляне* и др. – контекстуально обусловлено и представлено в летописных статьях, содержащих переводные, религиозные, исторические произведения. Незначительное количество форм сингулятивов при дериватах с множественно-собирательным значением отражает специфику летописного повествования, в котором главным действующим персонажем являются массы людей.

Исследование наименований лиц по этнической и географической принадлежности позволяет не просто выявить способы народо-наименований, но осмыслить те тенденции, которые характеризуют употребление этнонимов и топонимов. Одной из таких тенденций, получивших широкое отражение в летописных сводах, является замена старых этнических названий наименованиями по географическому принципу, связанная с формированием новых феодальных отношений. В первой части ПВЛ функционируют два синонимичных названия: *Словѣне* и *Новгородѣци*, во второй части название *Новгородѣци*, обладающее определенной политической окраской, полностью вытесняет более древнее племенное *Словѣне*. Частотность использования производных имен со значением лица по этнической или географической принадлежности свидетельствует о значимости участия тех или иных групп населения в определенных исторических событиях, подчеркивает их социальную функцию.

В Третьей главе **«Роль производных образований со значением отвлеченного действия, состояния и качества в категоризации явлений средневековой действительности»** исследуется второй семантический центр деривационной системы русского языка.

Наиболее продуктивным словообразовательным средством в этой области был суффикс *-(е)ние*, производные с которым анализируются в разделе 3.1. *«Актуализация ценностных мотивировочных признаков в семантической структуре производных образований с суффиксом -(е)ние»*. Имена на *-(е)ние* являются одной из наиболее ярких особенностей, формирующих повествование, выступающих в роли своеобразной доминанты текста. Эти дериваты являются самыми продуктивными в сфере имен действия, свободно образуются практически от всех глаголов, как стилистически маркированных, так и нейтральных.

Производные на *-(е)ние* характеризуются транспозиционным словообразовательным значением, полностью или частично сохраняя основные компоненты значения производящего глагола, а потому выступая как синтаксические дериваты. При помощи суффикса *-(е)ние* в древнерусском и старорусском языке активно образуются имена существительные от основ разного строения и разных грамматических характеристик: от глаголов совершенного и несовершенного видов, переходных и непереходных, от беспрефиксных и префиксальных.

Стилистическая маркированность образований на *-(е)ние* определяет их место в смысловой организации различных частей летописных сводов. Сам факт употребления имен с данным суффиксом в той или иной погодной статье свидетельствует об определенной тематической ее направленности. Чем больше образований на *-(е)ние* фиксируется в летописном отрывке, тем явственнее

отражается в нем книжно-славянская языковая стихия. Употребление рассматриваемых форм в летописных произведениях, связанных с отражением сакральной идеи, даже если она явно не эксплицирована, обусловлено длительной культурной традицией.

Тексты летописных памятников позволяют проследить за основными тенденциями в употреблении образований с формантом *-(e)ние*. В более поздних летописях их число возрастает, расширяется круг производящих основ этих имен, что отражает не только собственно языковую эволюцию, но и этапы ценностного видения мира.

При сравнении производных имен на *-(e)ние* в разных летописных сводах обнаруживаются как общие, так и отличительные особенности, связанные со спецификой повествования в них. В ПВЛ, памятнике монастырского летописания, формы на *-(e)ние* занимают значительное место и в тематическом отношении представляют особую группу слов, связанную с репрезентацией сакральной области. В НЛ количество форм на *-(e)ние* ограничено, и при этом они в основном связаны с глаголами конкретного физического действия.

Производные образования, имеющие внутреннюю форму, позволяют интерпретировать предметы и явления внешнего мира через понятия, названные производящими словами. Использование тех или иных глаголов в качестве производящих основ в процессе номинализации свидетельствует о важности соответствующих действий в языковом сознании эпохи. В состав различных летописных сводов вошел целый ряд произведений церковной тематики, в которых широко представлены формы на *-(e)ние*, составляющие несколько основных групп слов религиозного значения. Это связано как с семантикой производящего глагола, который может заключать в себе религиозный смысл, так и с различными семантическими модификациями, которым подвергается производное имя. В результате подобных семантических приращений девербативы на *-(e)ние* получают возможность использоваться для квалификации различных специальных действий в церковной области. Они приобретают терминологизированные значения, которые сохраняются на протяжении многих столетий: *пѣние, стояние, кланяние, исповѣдание, покаяние*.

Наряду с особым вниманием к миру духовному и идеалистическим объяснениям событий в свете христианского мировоззрения в древнерусской литературе присутствуют элементы реалистичности. Они особенно явно проявляют себя именно в летописном жанре, отличающемся документализмом повествования. Поэтому значительное количество форм на *-(e)ние* имеют отнесенность к сфере мирской жизни, обозначают конкретные действия или их результаты. Среди них выделяются несколько лексико-семантических групп, репрезентирующих определенные семантические отношения в сфере производящих глаголов, имеющих значения действия, отношения между предметами, состояния.

Конкретизация значения имен на *-(e)ние* отражает общую тенденцию в развитии отглагольных словообразовательных типов. Онтологическая сущность глаголов действия заключается в направленности действия на достижение определенного результата. Содержащийся в семантике производящего гла-

гола финитивный компонент может актуализироваться в производном имени существительном в процессе семантического переосмысления, когда категориальная семантика приходит в соответствие с лексической семантикой. В именах на *-(e)ние* такая конкретизация осуществляется реже, чем в производных с другими формантами, что связано со стилистической нагрузкой суффикса, закрепленного в сфере обозначения отвлеченных понятий.

В разделе 3.2. «*Отражение дуализма средневекового восприятия мира в приглагольных именах нулевой суффиксации*» рассматривается наиболее продуктивный тип имен действия с немаркированным формантом. Образования с нулевым суффиксом обладали широким спектром значений, возможностью называть действия, состояния, результаты, объекты, орудия действия, лиц и т.д. Однако если в словообразовательном отношении имена нулевой суффиксации имели типичный для девербативов набор значений, то в лексическом плане они отличались рядом специфических особенностей.

Анализ семантической специфики производных образований опирается на характер мотивирующего признака для нового обозначения. Как и имена с суффиксом *-(e)ние*, образования нулевой суффиксации относятся к формам с транспозиционным словообразовательным значением, что обуславливает близость их семантики к семантике соответствующего производящего глагола.

Образования нулевой суффиксации относятся к синтаксическим дериватам, то есть формам, которые сохраняют лексическое содержание мотивирующего слова, но выступают с другой синтаксической функцией. При этом не устраняются общекатегориальные характеристики исходного слова, благодаря чему у отглагольных имен всегда сохраняется главная для глагола ономаσιологическая категория «действие», «процесс». При сохранении плана содержания изменяется план выражения: наименование действия осуществляется словом с иным категориальным наполнением – именем.

Имена нулевой суффиксации представлены двумя основными группами, отражающими важные грамматические оппозиции производящих глаголов, связанные с их видовыми различиями. Наиболее древним и распространенным способом видообразования у глаголов являлась префиксация, тесно связанная с глагольным словообразованием. Приставка модифицировала значение производящего глагола, конкретизировала его и локально уточняла. Соотносимые с приставочными глаголами имена нулевой суффиксации также были более конкретными в выражении пространственных, результативных, объектных, временных отношений, связанных с действием, чем соответствующие беспрефиксные формы.

Формы с нулевым суффиксом, соотносящиеся с беспрефиксными глаголами, чаще выражают абстрактные понятия, представляющие прежде всего сакральную область. Многие из них являются важными категориями национальной культуры, отражающими духовную жизнь древнего социума. Они имеют дохристианское происхождение и попадают в новую христианскую терминологию в качестве концептуально значимых терминов: *вѣра*, *слава*, *судъ*, *грѣхъ* и др. Внимание летописца к нравственной стороне человеческой личности проявляется в частотности использования форм нулевой суффиксации со значением эмоционального состояния человека: *скорбь*, *мука*, *страхъ*, *трепетъ* и

под. Среди образований нулевой суффиксации выделяются и достаточно однозначные имена, которые являются наименованиями элементов материальной культуры, явлений социальной, мирской жизни. В НЛ частотны формы, называющие физическое состояние человека или состояние природы типа *голодь*, *морь*, *громь*, *кѣрмь* и под. Для СЛ характерны образования, мотивированные глаголами звучания: *воплъ*, *крикъ*, *шумъ*, *топотъ* и под. В МЛС распространены образования военного содержания типа *брань*, *миръ*, *рана*, *щитъ*, *стрѣла* и др.

Образования нулевой суффиксации занимают значительное место в лексической системе русских летописей и используются для обозначения понятий практически всех областей жизни Древней Руси: религиозной, мирской, социальной, юридической, морально-психологической, физиологической и т.д. Как и в других производных образованиях, в их значении отражается дуализм средневекового восприятия мира, эксплицирующийся в семантической оппозиции: «религиозное» – «мирское». Имена нулевой суффиксации, мотивированные как беспрефиксными, так и префиксальными глаголами, представлены в летописных текстах большим количеством форм религиозного содержания, однако при этом они репрезентируют разные сферы: «беспрефиксные» формы чаще связаны с отражением внутренних, духовных переживаний, в то время как «префиксальные» – с внешней, материальной стороной культа.

Являясь древними синкретами, существовавшими в языке еще в дохристианский период, образования нулевой суффиксации устойчиво репрезентировали нерелигиозную семантику. Поэтому они часто имели несколько значений, представляющих разные стилистические сферы, а следовательно, характеризовались разной культурной коннотацией, ассоциативно-образным наполнением.

Раздел 3.3. «Словообразовательный синкретизм производных образований с суффиксом *-ьство*» посвящен особой группе производных имен существительных, относившихся к продуктивному типу словообразования и имевших разветвленную систему словообразовательных значений.

Дериваты с суффиксом *-ьство* выделяются среди производных имен с отвлеченным значением в русской словообразовательной системе начиная с древнерусского периода. Во-первых, формант *-ьство* обладал способностью соединяться как с именными, так и с глагольными производящими основами; во-вторых, производные с ним выражали разнообразные словообразовательные значения, которые часто совмещались в пределах одного словоупотребления. Это обуславливало широкие возможности использования суффикса *-ьство* при производстве слов, отражающих самые разнообразные области жизни народа, служащих обозначением явлений в религиозной, политической, юридической, военной, культурной, бытовой и других сферах. Материал летописных памятников иллюстрирует многообразие словообразовательных функций данного форманта при номинации различных сторон жизни древнерусского общества. Производные с суффиксом *-ьство* фиксируются в различных летописных статьях, реализуя те или иные семантические оттенки в зависимости от прагматической направленности контекста. Для многих имен на *-ьство* свойствен синкретизм семантики, связанный с отражением в их зна-

чении регулярных ассоциаций по смежности и соотнесенности понятий, имеющий в каждой группе производных особый характер, обусловленный спецификой производящих основ, их общим и частным категориальным значением.

Суффикс *-ьство* мог соединяться с тремя типами основ: субстантивными, адъективными и глагольными. В зависимости от характера мотивирующей базы находится семантическая специфика производных образований. 1. Производные на *-ьство* от имен существительных составляют самую продуктивную группу в летописных текстах. Большинство из них выступает со значением сана, должности и деятельности лица, обозначенного производящей основой: *игуменьство, епископство, патриаршество, учительство*, что связано с характером летописного повествования: документализмом содержания, фактографичностью стиля, конкретностью и точностью в описании событий. Вторую группу отсубстантивных имен на *-ьство* составляют образования со значением состояния, одним из основных значений суффикса *-ьство* в русском языке: *братство, отечество, дѣдство, мужьство, холопство* и др. В древнерусский период имена на *-ьство*, мотивированные наименованиями лиц мужского пола, регулярно развивали значение собирательности. Оно является вторичным для подобных имен и возникает у существительных, выражающих значение качества, свойства, состояния лиц. Подобные образования в тексте летописей представлены именами, называющими совокупность лиц по их вероисповеданию: *христианьство, бесерменьство, поганьство*; воинским обязанностям: *воиньство* и другим, часто широким, признакам: *человѣчьство*.

2. Вторую по количеству производных форм группу с суффиксом *-ьство* составляют образования, мотивированные основами имен прилагательных, со значением качества, свойства, признака: *коварьство, лукавьство, пронырьство, храбрьство* и под. Многие из них могут выступать со вторичным для них значением состояния: *сверѣньство* «жестокость, свирепость» > *сверѣньство* «буйство, разъяренное состояние», *буиство* «смелость, отвага, боевой дух» > *буиство* «заносчивость, буйство».

3. Приглагольные образования составляют наименьшую в количественном отношении группу слов среди имен на *-ьство*: *дѣиство, убииство, насильство*.

В разделе 3.4. «Семантическая специализация производных образований с суффиксом *-ость*» исследуется самая продуктивная модель имен со значением качества среди деадъективных образований. Дериваты на *-ость* характеризуются однозначностью производящей базы и транспозиционным значением отвлеченного качества. Связь только с адъективными производящими основами определяет направление специализации данного суффикса. В древнерусском языке активность этого форманта была ограничена довольно узким кругом производящих основ, что подтверждают примеры из летописных сводов. В древнейших летописях нашло отражение незначительное количество деадъективных образований с суффиксом *-ость*, которые мотивируются либо непроизводными прилагательными: *хитрость, ярость, гордость, крѣпость*, либо прилагательными с суффиксом *-ьк-*: *кротость, звоность*.

Становление модели словопроизводства с суффиксом *-ость* связано с развитием категории качества в русском языке, усилением семантических связей между существительными и качественными прилагательными, выступающими в качестве производящих основ для данной группы имен. Формирование отвлеченного мышления человека средневековья сопровождалось появлением различных новых обозначений для абстрактных понятий. В период, когда в сознании человека окружавший материальный мир противопоставлялся миру идеальному, вечному, вырабатывались критерии анализа явлений и событий, относящихся к различным областям человеческого бытия. Экспликация средствами языка основных этических категорий средневековья сопровождалась формированием понятийного аппарата, необходимого для обозначения качеств, относящихся к различным полюсам ценностного видения мира. В системе языковых средств концептуализации понятий, относящихся к духовной сфере человека, словообразовательная модель с суффиксом *-ость* занимала важное место. Производные на *-ость* относятся к транспозиционному типу словообразования, поэтому семантическая специфика мотивирующих адъективов важна для интерпретации результатов деривационного процесса в плане его аксиологической обусловленности.

Значение качества, основное для образований с суффиксом *-ость*, часто сопровождается другими абстрактными значениями. Отадъективные образования на *-ость* регулярно выступают и в значении состояния, что приводит к возникновению различных комбинаций значений, которые либо находятся в отношениях дополнительной дистрибуции, либо интегрированы как компоненты семантической синкреты. И хотя в целом образования на *-ость* более однозначны в выражении отвлеченных значений, чем имена с суффиксом *-ьство*, однако и они отличаются подвижностью границ значения качества.

В разделе 3.5. «Экспликация этических и эстетических установок средневекового сознания в производных образованиях с суффиксом *-ота*» рассматриваются достаточно продуктивные в древнерусском и старорусском языке отадъективные дериваты на *-ота*. Они образуются в основном от непроизводных прилагательных или прилагательных с опрошенной основой. Основным значением имен с суффиксом *-ота* является значение отвлеченного качества, обусловленное производящей основой. Отнесенность к транспозиционному типу словообразования определяет конструктивную функцию данной модели в деривационном механизме языка. При этом, как и другие имена со значением отвлеченного качества, они обладают яркой оценочностью.

Производные на *-ота* имеют отнесенность к различным номинативным сферам: религиозной, военной, социальной, однако наиболее часто представлены в сфере характеристики религиозных объектов. Анализ данных имен позволяет выявить отношение человека к внешнему миру, охарактеризовать этические и эстетические установки средневекового сознания. Образования на *-ота* отличаются выраженным стилистическим статусом, маркированность которых обусловлена формантом, являющимся приметой высокого книжного стиля, совокупностью производящих основ,

репрезентирующих ценностно значимые признаки, и синтагматическими особенностями.

Самым актуальным для летописного повествования оказывается в ряду производных имен отвлеченного качества с суффиксом *-ота* образование *красота*, являющееся обозначением базового понятия категории прекрасного. Значение данного слова апеллирует к явлениям, обладающим высшей эстетической ценностью и воплощающим представление о позитивном совершенстве и гармонии.

Помимо продуктивных средств выражения словообразовательных категорий в истории русского языка представлены и малопродуктивные суффиксы, образования с которыми исследуются в разделе 3.6. *«Непродуктивные словообразовательные модели имен действия в номинативной деятельности человека средневековья»*. Наличие различных морфологических средств выражения сходных деривационных значений свойственно языкам морфемного строя. Их разнообразие объясняется причинами как собственно языкового характера: взаимодействием языков, развитием словообразовательной системы, структурными особенностями, семантической специализацией морфологических средств, переразложением в основах и т.д., так и закономерностями мышления, отражающими познавательную деятельность человека.

Для непродуктивных моделей словопроизводства имен действия с суффиксами *-тие*, *-тва*, *-ьба*, *-ежь*, *-знь* характерны две основные тенденции. С одной стороны, формы с суффиксами *-тие*, *-тва*, *-ьба*, *-ежь*, *-знь* характеризуются сохранением устойчивой семантики, связанной с книжно-славянской традицией, что способствует высокой частности их употребления в летописных отрывках религиозно-дидактического содержания. С другой стороны, намечается специализация суффиксов в обозначении конкретно-предметных понятий, за счет чего происходит расширение поля вещи, что иллюстрируют словообразовательные типы с суффиксами *-ище*, *-ък*-. Образования с данными формантами представлены в частях, репрезентирующих народно-разговорную стихию, в которых описываются военные действия, охота, имущественные отношения, языческие обряды. Незначительное количество этих имен и низкая частотность их употребления связаны со слабым отражением практической стороны жизни древнего социума в летописных текстах. Летописцы интересовали прежде всего значительные, официальные события, а не частные, бытовые. Тем не менее, тенденция к развитию словообразовательных типов с предметным значением уже начинает складываться и получает отражение в летописном языке.

Раздел 3.7. *«Семантический синкретизм непродуктивных словообразовательных моделей имен качества»* посвящен непродуктивным в языке древне- и старорусского периода суффиксальным моделям, образующим имена качества на *-ина*, *-оба*, *-ьда*, *-изна*, *-ыни/-ыня*, *-ије*. Они представлены в летописных текстах небольшим количеством примеров, в основном связанных с книжно-славянской языковой традицией. Семантика отвлеченного качества определяет специфическую область применения производных существительных с рассматриваемыми суффиксами. Наряду с обозначением понятий, имею-

щих отношение к реальным событиям, они часто являются наименованиями различных качеств, относящихся к нравственно-религиозной сфере.

Особую группу производных имен составляют дериваты с суффиксом *-ина*, обладавшим разноплановостью словообразовательных значений. Производные на *-ина* характеризовались словообразовательными связями с основами имен существительных и имен прилагательных и в зависимости от категориальной семантики производящего слова реализовывали различные типы деривационных значений. Отадъективные образования могли выражать значение как отвлеченного качества: *глубина, тишина, старина*, так и предмета, обладающего данным качеством: *быстрина*. Существительные, мотивированные основами имен существительных – название мяса или шкуры животных, собирательное значение, значение лица, значение единичного предмета.

Имена других суффиксальных типов на *-оба, -ьда, -изна, -ыни/-ыня, -ије* представлены единичными примерами. Непродуктивность суффиксов часто сопровождается семантическим синкретизмом производных образований с ними. Такие слова, как *зѣлоба, правда*, обладают широким смысловым объемом. Отличаясь от непроеводных имен своей связью с производящей основой, они выделяются из группы слов отвлеченной семантики, так как отражают в своем значении совокупность признаков, выражаемых производящим прилагательным. Большинство образований со словообразовательным значением отвлеченного качества характеризуются стилистической маркированностью, которая может быть связана как со старославянским происхождением морфемы, так и со специфическим набором значений, репрезентирующих религиозную семантику.

Четвертая глава «Словообразование прилагательных в летописном тексте: семантическая и грамматическая дистрибуция адъективных морфем» посвящена рассмотрению производных адъективов. В древнерусском языке появлялась необходимость не просто номинации предметов и явлений действительности, но и их качественной характеристики. Возникновение прилагательного как части речи было обусловлено необходимостью передачи конкретных представлений о качестве, важных для практической деятельности средневекового человека. Относительные прилагательные существуют в русском языке издревле и являются синтаксическими дериватами. По своему значению они близки падежным формам производящего существительного, а по словообразовательным особенностям представляют транспозицию предмета в признак, то есть передают значение, лежащее в их основе, как признак.

Являясь компонентами наиболее тесно грамматически спаянного словосочетания – атрибутивного – прилагательные отличаются тесной связью на синтаксическом и семантическом уровне с определяемым существительным, обычно обозначая вместе с ним единое понятие.

В разделе 4.1. «Суффикс *-ьн-* как универсальное и продуктивное средство адъективного словообразования» рассматривается самое распространенное средство образования прилагательных в древнерусском и других славянских языках – суффикс *-ьн-*. Этот аффикс уже с древнейшего периода обнаруживал универсальность словообразовательных связей, способность соединяться как с

глагольными, так и с именными основами, что дает объяснение его широкому использованию в славянских языках.

В подразделе 4.1.1. «Функционально-семантические особенности отсубстантивных прилагательных с суффиксом *-ьн-*» анализируются имена прилагательные на *-ьн-*, образованные от основ существительных. Большая часть зафиксированных в летописи прилагательных на *-ьн-* соотносятся с существительными неодушевленными. Они образуются от производящих основ самого разного значения.

1. Первую группу составляют прилагательные, мотивированные существительными предметной семантики: *дворьными*, *горничьными*, *стольными*. Они с древности оказались наиболее конкретными в выражении отношения к указанному в производящей основе слову. Именно прилагательные этой группы функционально близки косвенным падежам существительного, особенно родительному беспредложному, что дает им возможность сочетаться с обширным кругом имен в составе субстантивно-адъективных синтагм, в которых находят отражение хозяйственная и бытовая стороны жизни древнего социума.

2. Вторую группу образуют производные прилагательные с суффиксом *-ьн-*, мотивированные именами существительными вещественного значения, часть из которых отличаются высокой частотностью употребления в летописях: *желѣзными*, *каменьными*.

3. Третью группу составляют прилагательные, образованные от существительных, обозначающих предметы и явления природы. Их использование в летописном языке отражает особенности восприятия пространства, свойственные средневековому человеку. Представление о мире было связано с господствовавшими в обществе религиозно-идеологическими постулатами, в соответствии с которыми значительная роль отдавалась символическому истолкованию явлений природы и извлечению из них моральных заключений. Важность небесной сферы для сознания человека того периода отражается в составе и количестве синтагм, в которых употребляются адъективы данной группы, особое место среди которых занимают прилагательные *земьными* и *небесьными*.

4. В четвертую группу входят производные на *-ьн-* от существительных, обозначающих пространственные и временные понятия. В этой сфере суффикс *-ьн-* вступает во взаимодействие с образованным от него суффиксом *-ьн'-*, специализировавшимся в образовании производных на базе основ пространственного и временного значения. Прилагательные данной группы могут объединяться в дву- и многочленные ряды в зависимости от значения производящих существительных. Образования, связанные с существительными со значением частей света, представлены четырьмя соотносительными по значению словами: *восточными*, *западными*, *сѣверными*, *южьными*. В летописях прилагательные данной группы выступают как атрибуты-конкретизаторы, определяющие предметные понятия в их локальной, темпоральной отнесенности, а также по их составу и природным свойствам.

5. Самую многочисленную группу в летописях составляют прилагательные, мотивированные существительными отвлеченного значения. В большинстве случаев они входят в состав устойчивых терминологизированных словосо-

четаний или определяют понятия, связанные с религиозной сферой, так как внутренний мир человека еще не является объектом описания древнего книжника. Именно эта группа адъективов обнаруживает стремление к развитию большей качественности и безотносительности признака. Прилагательные на *-ьн-* соотносятся с отвлеченными существительными, обозначающими разнообразные психические состояния человека: *печаль, обида, жалость, любовь* и др. Часть отсубстантивных дериватов организуются в синонимические пары: *печальными – скорбными, страшными – ужасными, любовными – страстными*.

Выделение существенных признаков в содержании понятия в средневековые сопровождалось их диффузностью, что проявлялось и на словообразовательном уровне: в неединственной мотивации производных образований. В подразделе 4.1.2. «*Вербально-субстантивная двойственность производящих основ у адъективов с суффиксом -ьн-*» отмечается, что суффикс *-ьн-* уже с древнейшего периода обнаруживал универсальность словообразовательных связей, способность соединяться как с глагольными, так и с именными основами. Анализ производных адъективов в конкретных условиях функционирования позволяет более точно охарактеризовать и их словообразовательные связи. При определении соотнесенности имен на *-ьн-* наиболее важным оказывается семантический фактор, позволяющий на основании исследования системы значений производных адъективов сделать выводы о характере их мотивирующей базы.

Многие прилагательные данной группы соотносятся с существительными со значением отвлеченного действия, у которых сильна связь с глаголами: *вѣрными, честными, хвальными, похвальный, поносными* и др. Производящие для них существительные являются приглагольными именами нулевой суффиксации, связанными как с беспрефиксными глаголами: *вѣра, честь, хвала*, так и с префиксальными глаголами: *похвала, поносъ*. В подобных случаях можно говорить о вербально-субстантивной двойственности производящих основ адъективов с суффиксом *-ьн-*.

Нередко такие образования имеют параллельные формы с негативирующим префиксом *не-*, а также приставкой *пре-*, выражающей усиление признака. Использование префиксального словообразования свидетельствует о важности обозначаемых данными именами понятий в системе ценностных представлений средневековья. Эти прилагательные были и остаются наименованиями важнейших этических представлений: *вѣрными – невѣрными, славными – неславными, честными – пречестными* и под.

Среди прилагательных с суффиксом *-ьн-*, характеризующихся вербально-субстантивной двойственностью производящих основ, выделяется группа слов с терминологизированным значением. К ним относятся субстантивированные формы с юридическим значением, представленные в МЛС, язык которого близок языку деловых бумаг: *опасная, розметная, съкладная*.

Явственно представлена зависимость от глагола у прилагательных, близких по семантике причастиям: *досадными* – «оскорбительный, вызывающий неудовольствие», *пагубными* – «несущий гибель, опасный», *обидными* – «вызывающий спор, вражду», *хвальными* – «достойный восхваления».

В подразделе 4.1.3. «*Специфика словообразовательных связей и семантический статус конфиксальных адъективов со вторым элементом -ьн-*» рассматривается древнейшая функция суффикса *-ьн-* – образование прилагательных от сочетаний с предлогами. Большинство из них имеют начальный элемент *без-*. Вследствие становления конфиксации как особого способа словообразования сформировалась продуктивная модель словопроизводства прилагательных при помощи единой двухэлементной морфемы *без...ьн(ьи)*.

Прилагательные на *без...ьн(ьи)* относятся к образованиям, играющим важную роль в моделировании языковой картины. Они используются для определения жизненно и социально важных для средневековья понятий. Ценностные установки при этом обнаруживаются через отрицание, заключенное в первом элементе конфикса *без-*. Большинство форм на *без...ьн(ьи)* репрезентируют христианскую, религиозную идею, являясь стилистически маркированными образованиями, связанными с высоким книжным стилем.

В текстах летописных сводов представлено несколько групп образований с конфиксом *без...ьн(ьи)* в зависимости от семантической специфики производящих основ. Самую многочисленную группу составляют прилагательные, мотивированные существительными отвлеченной семантики: *беззаконьными*, *бездушьными*, *безмятежьными* и др. Ко второй группе относятся прилагательные от наименований лиц с самым общим значением: *бесчеловѣчьными*, *безлюдьными*. Третью группу составляют образования, соотносимые с существительными конкретной семантики: *беспокровьными*, *бесквасьными* и др., которые отмечаются только в поздних летописных сводах. Появление производных адъективов, мотивированных существительными предметного значения, знаменует новый этап в развитии образований данного типа. Если древние формы представляют собой в основном кальки с греческого языка, отличающиеся традиционным содержанием, то в прилагательных от основ конкретной семантики внутренняя форма более очевидна. В них происходит актуализация собственно словообразовательного значения: «не имеющий того, что названо в производящей основе».

Конфиксальные образования других словообразовательных типов со вторым элементом *-ьн-* представлены единичными примерами. Они характеризуются локальным значением, так как первый элемент конфикса указывает на расположение предмета в пространстве: *над-*, *за-*, *по-*.

Для производства адъективов от существительных одушевленных использовался производный от суффикса *-ьн-* суффикс *-ьн'-*, расширенный посредством компонента *-ѣ-*. Его анализу посвящен раздел 4.2. «*Расширение форманта и ограничение словообразовательной базы в именах прилагательных с суффиксом -ьн'-*». Суффикс *-ьн'-* получил семантическую специализацию, осложняя определенный круг производящих основ. Только в области образования от личных основ – терминов родства – он не имел конкуренции со стороны суффикса *-ьн-*, образуя относительно-притяжательные прилагательные со значением принадлежности или свойственности. В сфере образования от основ пространственно-временной семантики он взаимодействует с суффиксом *-ьн-* как универсальным адъективным суффиксом. Специфика суффикса *-ьн'-* проявляется в

том, что он указывает на отнесенность определяемого именно к данному члену из целого ряда подобных, сопоставленных и противопоставленных членов. Это может быть соотнесенность по времени, пространственному расположению, по степеням родства или свойства. При этом определяемый предмет характеризуется и выделяется на основе сопоставления, выраженного производящей основой, а сам суффикс несет прежде всего конкретизирующую, указательно-выделительную функцию, согласующуюся с самой общей функцией компонента -**jo-* в составе форманта -**in-jo-*.

Одной из областей использования данного суффикса был узкий круг основ со значением родства. При этом производные с данным формантом связаны отношениями соотнесенности, составляя ряды взаимообусловленных по лексическому значению форм, в частности имен со значением родства: *мать* – *отьць* – *дѣдъ* и т.д. Именно три отмеченных существительных в летописных сводах являются наиболее продуктивными производящими основами для образований данной группы. Производные от других терминов родства таких, как *братъ*, *сестра*, *сынъ*, немногочисленны. Большинство из производных на -*ьн'*- выступают в роли заменителя косвенного падежа существительного, что составляет исторически устойчивую характерную черту славянских языков, при этом чаще всего они представлены в терминологизированных сочетаниях с социальным или религиозно-нравственным компонентом в семантике: *на столѣ дѣдни и отечни*; *по устроенью отню и дѣдню*; *без отечня повелѣния*; *заповѣдь отечню* и под.

Целый ряд прилагательных данной группы соотносятся с субстантивно-адвербиальными и предложно-адвербиальными основами пространственного значения, распределенными по принципу дихотомии: *верхѣнии* – *нижѣнии*, *передѣнии* (*предѣнии*) – *задѣнии*, *дальѣнии* – *ближѣнии*.

В разделе 4.3. «Лексическая и грамматическая семантика адъективов с суффиксом -*ьск-*» рассматриваются прилагательные с суффиксом -*ьск-*, который относился к числу древнейших индоевропейских формантов, получивших широкое распространение во всех славянских и балтийских языках. В древнерусский период суффикс -*ьск-* отличался высокой продуктивностью, однако круг производящих основ, с которыми он соединялся, был семантически ограниченным. Суффикс -*ьск-* осложнял преимущественно основы личных имен существительных, имен собственных, топонимов и этнонимов, а также существительных с локальным значением. Примеры из летописных сводов иллюстрируют тенденции в развитии грамматической семантики прилагательных на -*ьск-*: от выражения личной принадлежности – наиболее древнего, первичного значения, свойственного данным адъективам, и категориальной принадлежности – наиболее типичного значения образований на -*ьск-* в древнерусском языке, к относительному значению и, наконец, в редких случаях – к качественному. Появление указанных оттенков находится в прямой зависимости от семантики производящих имен существительных.

В образовании прилагательных от имен собственных суффикс -*ьск-* универсален и не имеет конкурентов. Прежде всего, он представлен в большом количестве образований от топонимических и этнонимических наименований, ко-

которые выражают не индивидуальное, а родовое отношение, что отражает специфику семантики производящего имени, выступающего с обобщенным значением. Использование топонимических и этнонимических обозначений составляет устойчивую, специфическую черту летописных текстов.

Довольно широко представлены в летописных текстах производные с суффиксом *-ьск-*, образованные от именных основ, называющих лиц по полу, возрасту, социальному положению, званию, сану, религиозным признакам: *священничьскыи, чернечьскыи, пророчьскыи, хрестьяньскыи, боярьскыи, княжьскыи*. Формант *-ьск-* редко усложнял основы нарицательных неодушевленных существительных. Однако определенные лексико-семантическим разряды существительных могли быть производящими основами для прилагательных на *-ьск-*, а именно: названия населенных пунктов, географических понятий, которые обозначали не только место, пространство проживания людей, но и население этого места: *градьскыи (городьскыи), земьскыи, улицьскыи, монастырьскыи*. В качестве производящих основ для прилагательных на *-ьск-* могли выступать и существительные конкретно-предметной семантики, в том числе называющие предметы религиозного назначения: *псаломьскыи, еуангельскыи*.

Суффикс *-ьск-* часто выступал в сложных последовательностях суффиксов *-овьск-* и *-иньск-*: *бѣсовьскыи, жидовьскыи, поповьскыи, звериньскыи*. Удвоение суффикса способствовало более четкой семантической специализации подобных прилагательных, которые функционировали наряду с соответствующими формами с суффиксом *-овъ*: *поповъ, жидовъ, бѣсовъ*, выражавшими принадлежность.

Производные с суффиксом *-ьск-* были способны выражать значение лица, что связано с первоначальной субстанциональностью членных образований, обусловленной исконной недифференцированностью имени и признака: *дѣтьскыи* выступало и как адъектив «молодой», и как субстантив «дитя». Суффикс *-ьск-* оформлял и существительные, называющие должностные лица Древней Руси: *подъвоискыи, десятицкыи, сотьскыи, тысячьскыи*.

Единичными примерами представлены образования от наименований животных и отадъективные формы с суффиксом *-ьск-*.

В разделе 4.4. «Синтагматическая специализация в употреблении синонимических посессивов сакральной семантики» отмечается, что в средневековые символическая система обозначений вырабатывала разнообразные варианты определения тех или иных предметов, явлений и лиц. Это проявлялось на всех языковых уровнях, в том числе и на словообразовательном. Так, для производства притяжательных прилагательных, занимавших особое место в кругу других адъективных образований, использовался целый ряд суффиксов, к числу которых относились *-j-(-ьj-), -ов-(-ев-), -ин-, -ьн'-*. В плане общей лексической семантики притяжательные прилагательные связаны с относительными, так как принадлежность – частный случай отношения. Это отражается в широком потоке перехода притяжательных прилагательных в относительные, если значение принадлежности теряет индивидуальную соотнесенность.

Наряду с возможностью образования таких прилагательных от личных собственных имен, они могли образовываться и от нарицательных имен с лич-

ным значением. В зависимости от семантики производящего имени они имели: а) индивидуально-притяжательное значение (от наименований лиц, в том числе имен собственных), б) категориально-притяжательное или притяжательно-относительное значение (от нарицательных личных имен с обобщенно-родовым значением).

Славянские притяжательные прилагательные сложились как эквивалент индоевропейского приименного генитива. Наряду с суффиксом *-j-* в славянских языках функционировал и суффикс *-ов-*, который также использовался в посессивной функции. В сферу функционирования суффикса *-ов-* попадали прежде всего собственные личные имена, даже если некоторые из них были охвачены суффиксом *-j-*. Образование притяжательных прилагательных стало возможным и для сложного славянского форманта *-ьnj-* (др.р. *-ьн' -*). Расширенный посредством *-*jo-* и.е. суффикс *-*ino* оказался качественно новым формантом, отличным от обоих своих компонентов. Для суффикса *-ьнъ* было несвойственно образование посессивов от личных имен, что было, в свою очередь, отличительной чертой суффикса *-j-*. Сфера функционирования нового суффикса *-ьnj-* была достаточно узкой. От названий лиц он давал незначительное количество производных, большинство из которых с течением времени утратились, перешли в разряд архаизмов. Прилагательные с суффиксом *-ьн' -* образуются от таких основ личных имен существительных, которые предполагают определенные систематические или иерархические отношения. В основном он осложняет термины родства, однако встречаются образования и от других имен с личным значением, в частности *господьнь*, первоначальное значение производящей основы которого предполагает иерархические отношения: *господь* «владыка, хозяин, господин» – *слуга*.

В летописных текстах высокой частотностью употребления отличаются притяжательные прилагательные сакральной семантики *божи*, *христовъ* и *господьнь*, характеризующиеся разным суффиксальным оформлением и разными производящими основами, но имеющие общее грамматическое значение посессивности и общую лексическую семантику. Самым употребительным из них является образование *божи*. Оно обладает широкими сочетаемостными возможностями, определяя существительные разнообразного характера: одушевленные и неодушевленные, отвлеченные и конкретные. Собственно притяжательное значение данное прилагательное выражает крайне редко, что обусловлено спецификой его производящей основы. Оно выступает в составе устойчивых сочетаний формульного характера, компоненты которых имеют как прямое, так и переносное, чаще всего символическое, значение. Многие конструкции имеют не только определенный состав компонентов, но и стандартное грамматическое оформление. Синтагмы с прилагательными сакральной семантики закрепились в определенных падежных формах, самая популярная из которых – форма творительного падежа.

Синонимичные слову *божи* прилагательные *христовъ* и *господьнь* употребляются прежде всего в составе наименований церковей и церковных праздников. Они могут выступать и как эквиваленты к адъективу *божи* в тех же сочетаниях и с тем же значением, что и оно. В тех случаях, когда они входят в со-

став синтагм с одинаковым субстантивным компонентом, никаких семантических отличий не отмечается, адъективы *божиш*, *христовъ* и *господьнь* выступают как полные синонимы. Таким образом, обнаруживается не семантическая, а синтагматическая специализация в употреблении синонимических посессивов.

В разделе 4.5. «Дифференциация грамматического значения адъективов с суффиксом *-j/-ъj-*, мотивированных нарицательными существительными» анализируются прилагательные с суффиксом *-j/-ъj-*. Притяжательные прилагательные своими семантическими и структурно-грамматическими особенностями занимают пограничное положение между именами, разделившимися на субстантивные и атрибутивные. Суффикс *-*j/-*ъj-* укрепился как показатель атрибутивного имени в отличие от субстантивного в период, предшествующий делению прилагательного на основные семантические категории. Постепенно притяжательные прилагательные вытеснялись формой родительного приименного, так как для выражения грамматического значения принадлежности имелись альтернативные грамматические средства.

В ряду других адъективных форм прилагательные посессивной семантики уже с древности занимают особое место. Они позволяют очертить сферу отношений между объектами внешнего мира, при которых один из них (объект обладания, обладаемое) «включается» в другой (обладатель, посессор)³. Это отношение осознается языковым менталитетом и выражается в наличии специальных языковых единиц, среди которых формы притяжательных прилагательных занимают одно из главных мест в древнерусском языке.

Наиболее частотным образованием с суффиксом *-j/-ъj-* в тексте летописных сводов является притяжательное прилагательное *къняжъ*, мотивированное нарицательным существительным социальной семантики. Понятия, определяемые посредством прилагательного *къняжъ*, попадают в круг явлений, находящихся в семантическом поле «княжеская власть». Как и другие адъективы подобного рода, слово *къняжъ* могло выражать самые разнообразные значения, свойственные притяжательным прилагательным: от обозначения принадлежности конкретному лицу до категориально-притяжательного, относительного и даже качественного значения.

Прилагательные с суффиксом *-j/-ъj-* широко распространены в летописных сводах и чаще всего обладают стилистической маркированностью. В качестве деривационной базы они имеют существительные разных структурных типов: непроеизводные образования, имена с суффиксами *-ьць*, *-(ьн)икъ*. Отдельную группу составляют образования с суффиксом *-j-* от заимствованных имен существительных, обозначающих лицо по религиозному статусу: *архиепископль*, *митрополочь*, *патриаршь*. В большинстве случаев образованные от нарицательных имен-грецизмов прилагательные в соответствии с логической природой их лексического значения реализуют значение категориальной при-

³ Топоров В.Н. О некоторых предпосылках формирования категории посессивности // Славянское и балканское языкознание. М., 1986. С. 149.

надлежности. Их близость к относительным прилагательным проявляется в наличии функционально-семантических дублетов с суффиксом *-ьск-*.

Система адъективного словообразования, нашедшая отражение в летописных сводах, представлена рядами словообразовательных типов, отличавшихся большей или меньшей продуктивностью. Раздел 4.6. «*Непродуктивные суффиксы прилагательных в системе адъективного словообразования*» посвящен рассмотрению непродуктивных суффиксальных моделей. Адъективные форманты имели определенный семантический статус, и востребованность в номинации того или иного оттенка признака обусловила дальнейшую судьбу соответствующих словообразовательных типов. Многие из непродуктивных суффиксальных типов приобрели в ходе развития адъективной деривационной системы экспрессивную маркированность, а потому были представлены незначительным количеством форм в летописном языке, лишенном эмоциональности. В ряде случаев происходила полная деэтимологизация производных прилагательных, в таких случаях суффикс утрачивал свою функцию и сливался с основой.

В отличие от суффикса *-ьн-*, универсального словообразовательного средства в сфере производства прилагательных, другие морфемы имели ограничения в области мотивирующей базы и соответственно выражаемой словообразовательной семантики. Это обстоятельство определяло функциональный и контекстуальный статус подобных производных единиц в деривационной системе языка русских летописей.

Среди суффиксов с приметой *-в-* самым распространенным оказался формант *-ив-*. Производные образования с суффиксом *-ив-*, характеризующиеся как однозначной мотивированностью, так и возможной двойной мотивировкой глаголом или именем, отличаются семантической специализацией в древнерусском языке и в тексте летописных сводов выполняют определенную коммуникативно-контекстуальную функцию. Образования с данным аффиксом используются для номинации признаков в сфере человеческих отношений, а потому относятся к ценностно значимым формам языка культуры средневековья. Оценочные таксономии отражают все окружающие человека объекты, результаты его материальной и духовной деятельности, а также психические свойства и состояния самого человека. Прилагательные с суффиксом *-ив-* специализируются в этой семантической области, обозначая прежде всего этические качества человека. Производящими основами для данных адъективов являются существительные отвлеченной семантики со значением состояния или качества: *зѣлоба*, *лъсть*, *лъжь*, *милость*, *правѣда*, *чѣсть* и под.

На базе суффиксом *-ив-* уже в праславянском языке сформировался его расширенный посредством *-l-* вариант *-liv-*, образования с которым заняли свое место в древнерусской деривационной системе. Его отличие от суффикса *-ив-* заключалось в характере производящих основ, в качестве которых преимущественно выступали вербальные основы, хотя было возможно образование адъективов на *-(ъ/ѣ)лив-* и от именных основ. Суффиксальные модели прилагательных, отличавшиеся меньшей продуктивностью: *-ав-*, *-ат-*, *-ит-*, *-оват-*, *-ист-*, *-ьк-* (*-ьк-*) и др., имели определенную семантическую специализа-

цию и были востребованы в номинации того или иного признака предмета достаточно редко.

В Пятой главе «Сложные слова как организующий фактор лингвокультурологической парадигмы летописного текста» исследуются сложные слова в языке русских летописей. В формировании наиболее важных семантических сфер русского макрокосма участвуют разные лексические и словообразовательные средства, к числу которых относится и словосложение. Сложные слова представляют собой особый пласт лексики в средневековом тексте, а их употребление связано с определенными жанрово-стилистическими разновидностями письменного языка определенной эпохи. В древнерусском языке словосложение не получило широкого распространения и поддерживалось кальками с греческого языка, пришедшими через посредство старославянского языка. В силу своего происхождения сложные слова обладали стилистической маркированностью, а потому были представлены в основном в контекстах, связанных с книжно-славянской культурной традицией. Композиты играли особую роль в смысловой организации древнерусского текста, отражая важные для языкового сознания человека понятия. Это было связано не только с их происхождением, но и с особенностями словообразовательной структуры – двухкомпонентным составом. Лексические значения элементов сложения суммируются, образуя единое слово, характеризующееся структурной и семантической целостностью.

В разделе 5.1. «Место сложных существительных со значением лица в организации идеографической сферы человек» отмечается особое место сложных слов в семантической сфере, связанной с номинацией лица. Сложные имена со значением лица представлены в текстах летописных памятников значительным количеством производных слов. Большинство словосложений, отмеченных в летописи, имеет греческое происхождение и относится к религиозной сфере. В этой семантической области преобладают сложные слова, обозначающие человека по присущему ему качеству, которое проявляется в отношении лица к христианству. Среди них представлены композиты с первым компонентом *бogo-*: *боголюбьць*, *богомольць*, *богоносць*. Ряд форм обозначают лицо по его положению, роду деятельности в церкви. Особенно много таких слов в МЛС: *протодьяконъ*, *протопопъ*, *священноепископъ*, *священноинокъ* и др.

Сложные имена со значением лица, как и сложные имена со значением действия, включены в общую для средневековой культуры оппозицию: христианское – языческое. Часть имен характеризуют Бога и его служителей, последователей истинной веры, часть – противников религии, приверженцев язычества. Наиболее явно распределение сложных имен со значением лица по двум полюсам представлено в ПВЛ, включившей в свой состав целый ряд произведений, содержащих выраженный нравоучительный компонент. В лексическом составе ПВЛ отмечается значительное количество образований негативной окраски, характеризующих лицо по действию, направленному против церкви: *враждолюбьць*, *духоборьць*, *иконоборьць*.

Специфика отражаемых в летописях событий и особенности их интерпретации детерминируют использование определенных групп производных слов со значением лица. Важное место во всех летописных сводах занимает описание

представителей не только религиозной, но и мирской власти, их жизни, деятельности, смертей. С течением времени летописи начинают отражать все больше событий реального исторического характера. В них расширяется круг производных имен, характеризующих лицо по роду занятий. Среди них отмечаются и сложные слова, которые не имеют прямого отношения к переводам с греческого. В ПВЛ два таких образования: *рыболовъ* и *скорописьць*, в МЛС их количество увеличивается: *каменощьць*, *скоросольникъ*, *черноборьць*, *заимодавьць*.

В сфере сложных образований со значением лица наиболее актуальной оказывается семантическая оппозиция «мирской» – «относящийся к церкви». В фактах языка находит отражение системный характер концептуализации мира, который задан в средневековые конфессиональной культурой и связан с сакральным мировидением и мироощущением. Каждая словообразовательно маркированная форма не является в тексте летописи случайной, она связана с репрезентацией существенных для того периода представлений. Это находит свое отражение в структуре текста, в котором часто именно сложные слова выступают как словесные центры. Они несут особую смысловую нагрузку, связанную как с их стилистической маркированностью, так и с особым образным значением, присущим многим из них. В сложных именах со значением лица актуализирован преимущественно религиозный компонент значения, обусловленный структурными и генетическими особенностями соответствующих лексем. Среди сложных имен со значением лица часто наблюдается синонимия слов с общей первой или второй частью. Это связано с разным переводом компонентов соответствующего греческого слова.

В разделе 5.2. «Сложные существительные с отвлеченным значением в иерархической модели мира средневековья» исследуются происхождение, структура, значение, стилистические и фонетические особенности сложных слов. В сложных словах, внутренняя форма которых представлена дискретно, аксиологическая ориентированность словообразования предстает наиболее ярко. Оценка в древнерусском тексте сопряжена с репрезентацией конфессиональной культуры. Поэтому при описании событий религиозного значения, в свете церковных представлений используются сложные слова, несущие дополнительную смысловую нагрузку в тексте.

Будучи искусственными образованиями для лексической системы древнерусского языка, сложные слова чаще всего встречались в составе определенных традиционных ситуативных формул, так как при переводе обычно калькировались не отдельные слова, а слова в составе конкретной синтагмы. В более поздних летописях количество сложных слов увеличивается, что свидетельствует об их ассимиляции лексической системе русского языка, а характер контекстов, в которых они начинают употребляться, указывает на постепенное стирание стилистической маркированности этих лексем.

Среди сложных слов с отвлеченным значением наиболее продуктивными были образования с формантами *-ие*, *-(е)ние*, *-ство*. Такие формы часто эксплицитировали символическое значение, были связаны с репрезентацией конфессиональной культуры средневековья. В рассмотренных летописных текстах

частотны сложные слова с терминологизированным религиозным значением, среди которых особенно распространены образования с первым компонентом *благо-*: *благословение, благочестие, благодать, благодѣяние* и др.

Сложные слова вступают в разнообразные отношения лексического взаимодействия. Они могут иметь синонимические первые или вторые компоненты, выступать как лексические или словообразовательные синонимы или антонимы. Большинство синонимических параллелей среди сложных слов в летописных текстах представлены формами с общим первым компонентом и синонимическими вторыми компонентами. Это связано с тем, что второй компонент в сложениях обычно играет основную роль, несет главную смысловую нагрузку и определяет категориальное и словообразовательное значение слова. Характерной особенностью сложений является повторяемость составляющих их компонентов, особенно первых, которые часто являются обозначениями ключевых для средневековой культуры понятий: *благо-, бого-, добро-, зѣло-* и др.

Поскольку религиозное мировоззрение распространялось параллельно с развитием письменности, в том числе и летописания, в языке нашли отражение формы, устойчиво ассоциированные в сознании с религиозно-этическими ценностями. Сложные слова воспринимались как торжественные, необычные, поэтому они занимали особое место в структуре летописных текстов. Подавляющее большинство таких слов имели религиозно-символическое содержание. Стилистическая маркированность сложных слов, специфика их происхождения, особые структурные свойства, прикрепленность к традиционным формулам обуславливали особенности их употребления в контексте летописных сводов. Однако в языке этого периода сложные слова начинали использоваться для обозначения и других сфер человеческой жизни. Такие образования встречаются в летописных сводах, но они представлены единичными примерами (*кровопролитие, воеводство, самострѣль*), характеризующимися при этом высокой частотностью употребления.

Раздел 5.3. «Ценностно-когнитивный статус сложных имен прилагательных» посвящен сложным адъективам. Образую вместе со сложными именами существительными общую с генетической точки зрения группу слов, появившуюся в результате калькирования из греческого языка, они различаются категориальным значением, а следовательно, синтаксической специализацией. В отличие от сложных имен существительных, имена прилагательные в силу своей частеречной принадлежности теснее связаны с синтагмой, а значит, и с формулами речи, которые являлись основными элементами текстообразования. Но значение композит определяется не только их местом в синтаксическом построении, но и семантикой элементов словосочетания, легшего в основу сложения. Являясь результатом семантической и синтаксической компрессии, сложные слова включают в свое значение семантику нескольких слов. Структурные и семантические связи сложений с греческими эквивалентами очевидны, однако, попадая в систему другого языка, любые лексические единицы подвергаются ассимиляции этой системе, что проявляется во всех аспектах их функционирования.

Компоненты сложений неодинаковы по степени употребительности. Продуктивность компонентов сложных слов определяется по возможности выступать в большом количестве образований. Если в производстве сложных субстантивов участвуют те же словообразовательные средства, что и при производстве простых слов, то при производстве сложных адъективов в подавляющем большинстве случаев используется универсальный адъективный суффикс *-ьн-*, способный передавать самый широкий спектр значений.

Степень употребительности компонентов сложных адъективов в летописных сводах соответствует степени их продуктивности в древнерусском языке вообще. На первом месте находятся прилагательные с первыми частями *благо-* и *бого-*. Достаточно частотны образования с первой частью *христо-*, синонимичной первой части *бого-*. Синонимия первых компонентов сложений обусловлена широкими возможностями русского языка, богатством его лексического состава. В отличие от сложных существительных, в сложных прилагательных смысловой акцент часто падает на первый элемент, особенно если он имеет адъективное происхождение. Сложные адъективы выполняют не столько номинативную, сколько экспрессивную функцию, употребляясь как средство эмоциональной окраски речи. Наиболее распространены в летописях сложные слова с первой частью *благо-*: *благовѣрнии*, *благополучнии*, *благоприятнии*, *благороднии* и под.

Структурные и семантические особенности сложных слов, а также специфика происхождения определяют их особую роль в средневековом тексте. Они характеризуются традиционной сочетаемостью, участвуя в текстообразовании в составе устойчивых оборотов, представляющих доминантные формулы речи. Сложные прилагательные отличаются выраженным аксиологическим статусом: выступая в роли определений при личных существительных, они подчеркивают значимые для средневекового сознания ценности, связанные с эксплицированным или имплицитным выражением божественной идеи.

В **Заключении** подводятся основные итоги исследования, делаются общие выводы. Результаты исследования именного словопроизводства в летописных текстах древне- и старорусской письменности показали значимость деривационных процессов в концептуализации мира человеком средневековья. Они продемонстрировали системный характер словообразовательных категорий, участвующих в моделировании картины мира русского этноса, обеспечивающих преемственность культурных традиций. В исследовании были выявлены основные деривационные механизмы языковой системы, участвующие в категоризации объектов внеязыковой действительности, отражающие познавательную и интерпретирующую деятельность человека, что дало возможность глубже проникнуть в ментальность, воззрения древних людей на мир, общество и самих себя.

В результате анализа производной лексики были выявлены основные области референции производных единиц, подчеркнут двойной характер их отнесенности: к миру слов и миру действительности – и показана специфика формальной и смысловой структуры производных суффиксального типа, отражающая указанную особенность. Сочетание синтагматического и парадигмати-

ческого подхода к анализу производных языковых единиц позволило дать адекватный анализ языкового материала в его сложности и многообразии.

В сфере именного словопроизводства продуктивность словообразовательных типов обусловлена их способностью отражать концептуально значимые понятия языковой картины мира. Производные имена существительные распределены по двум основным центрам словообразовательной системы – наименование лица и наименование действия. Практическая необходимость обозначения людей и явлений по их отношению к различным признакам делает деривационные процессы в сферах поля деятеля и поля действия и состояния наиболее активными. В средневековый период продуктивность имен со значением лица обусловлена актуализацией в них социального или религиозного компонента значения, связанного с представлением о месте человека в иерархии феодальных отношений, с одной стороны, и его оцениванием в соответствии с морально-этическими представлениями своего времени, с другой. Специфической чертой имен действия являлся синкретизм семантики, проявлявшийся в способности выражать различные смысловые оттенки в зависимости от заданного контекстом содержания. Семантика имен действия модифицировалась в зависимости от смыслового содержания мотивирующего глагола.

В сфере именного словообразования значительное место занимают производные адъективы. В производных именах прилагательных нашли воплощение важные прагматические и аксиологические мотивировочные признаки объектов внеязыковой действительности. Занимая зависимое положение в синтагме, прилагательные играли значимую роль в номинативных построениях, являясь важными элементами словосочетаний. В адъективно-субстантивных синтагмах разнообразного характера отразились все стороны жизни древнего социума.

Сложные слова в летописных сводах составляли особую группу производных слов, выполнявших важную контекстно-идеологическую функцию. Большинство из них являлись мировоззренческими, философскими терминами, сыгравшими значительную роль в формировании русского литературного языка. Структурные и семантические особенности сложных слов, а также специфика их происхождения определяют их особую роль в средневековом тексте. Они характеризуются традиционной сочетаемостью, участвуя в текстообразовании в составе устойчивых оборотов, представляющих доминантные формулы речи.

На основании исследования было установлено, что производные имена являются не просто мотивированными языковыми знаками, содержащими указание на мотивирующий источник, но и играют важную роль в формировании синтаксических структур. Большинство производных отличаются связанным употреблением в составе речевых формул, в которых концентрированно выражаются сведения о мире, полученные человеком в процессе его познавательной деятельности. Разнообразие функций, которые выполняют производные слова, делает их важнейшим фактором языкового развития, а содержащаяся в них богатейшая культурная информация дает представление о модели лингвокультурной реальности.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

I. Монография:

1. Именное словообразование в лингвокультурологической парадигме летописного текста / И.В. Ерофеева. Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. 256 с.

II. Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

2. Роль словообразования в организации смыслового пространства языка летописных сводов / И.В.Ерофеева // Филологические науки. 2010. № 2. С.22-34.

3. Отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-ьн-* в Московском летописном своде 1479 года // Учен. зап. Казан. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 2. С. 27 – 43.

4. Атрибуты *добрыи – злыи* в языковой картине мира средневековья (по материалам летописных текстов) / И.В.Ерофеева // Учен. зап. Казан. ун-та. Гуманитарные науки. 2008. Т. 150, кн. 6. С.250-259.

5. Притяжательные прилагательные с суффиксом *-j-/-ьj-*, мотивированные личными нарицательными существительными, в летописном тексте / И.В.Ерофеева // Вестник Волгоград. ун-та. Сер.2. Языкознание. 2009. №2(10). С.43-50.

6. Адъективный суффикс *-ьск-* как средство словообразования в летописном тексте / И.В.Ерофеева // Учен. зап. Казан. ун-та. Гуманитарные науки. 2009. Том 151, кн. 6. С. 60-72.

7. Лексико-грамматические особенности прилагательного *божии* в летописном тексте / И.В.Ерофеева // Вестник ВятГГУ. Филология и искусствоведение. 2009. № 1(2). Т. 2. С. 51-54.

8. Притяжательные прилагательные сакральной семантики в летописном тексте / И.В.Ерофеева // Вестник ВятГГУ. Филология и искусствоведение. 2009. № 3 (2). С. 49-57.

9. Личные дериваты с суффиксом *-(ьн)икъ* в ментально-культурном пространстве языка русских летописей / И.В. Ерофеева // Вестник Омского ун-та. 2010. № 3. С. 90-97.

10. Место «Повести временных лет» в системе гуманитарного образования / И.В.Ерофеева // Вестник Татар. гос. гуманит.-пед. ун-та. 2010. № 2. С. 222-226.

III. Статьи в зарубежных изданиях:

11. Стилистические особенности отглагольных имен в древнерусском тексте (на материале летописей) / И.В.Ерофеева // *Studia zur Russischen Sprachen und Literatur des XI –XVIII yarh hundred XXXIII*. Frankfurt am Main, 1997. С.157-167.

12. Н.В.Крушевский и М.М.Покровский об общих закономерностях семантических изменений / И.В.Ерофеева // *Acta Polono-Ruthenica V*. Olsztyn, 2000. С.315-329.

13. Принцип историзма в работах младограмматиков и представителей Казанской лингвистической школы / И.В.Ерофеева // *Deutsch-russischer Dialog in den Philologien*. Frankfurt am Main, 2001. С. 523-531.

14. Семантика слова как объект исследования в немецкой и русской лингвистической традиции / И.В.Ерофеева // *Deutsch-russischer Dialog in den Philologien, Frankfurt am Main*, 2001. С. 533-544.

15. Производные образования в религиозных текстах «Повести временных лет» / И.В.Ерофеева // *Studia Rossica Posnaniensia. Poznan*, 2001. Zeszyt XXIX. С. 99-106.

16. Регулярность словообразовательных моделей в русском языке как отражение аксиологической направленности деривационного процесса / И.В.Ерофеева // *Избранные вопросы русского языка и лингводидактики. Poznan*, 2002. С.63-69.

17. Производные образования со значением женскости в летописных текстах / И.В.Ерофеева // *Слово в тексте, переводе и словаре. Beitrage zur Slavistik XLVII. Frankfurt am Main*, 2002. С. 335-341.

18. Имена нулевой суффиксации в семантической структуре летописного текста / И.В.Ерофеева // *Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. Тайбэй*, 2005. Вып. 8. С. 23-30.

19. Семантико-аксиологические константы средневековья в текстах летописного жанра (по данным словообразования) / И.В.Ерофеева // *Мир русского слова и русское слово в мире. Материалы XI Конгресса Междунар. ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Варна, 17-23 сент. 2007 г. София*, 2007. Т.3. С. 77-84.

20. Отражение культурной традиции средневековья в летописных текстах / И.В.Ерофеева // *Problemy współczesnej komparatystyki. Poznan*, 2007. Т.3. С. 127-136.

IV. Статьи в различных изданиях:

21. Словообразовательная синонимия имен действия в летописном тексте / И.В.Ерофеева // *История русского языка. Словообразование и формообразование. Казань*, 1997. С.132-145.

22. Семантика образований нулевой суффиксации в летописном тексте / И.В.Ерофеева // *Языковая семантика и образ мира. Учен. зап. Казан. ун-та*. 1998. Т.135. С.48-59.

23. Семантика отглагольных имен нулевой суффиксации в летописном тексте / И.В.Ерофеева // *Семантика языковых единиц. Доклады Междунар. науч. конф. М.*, 1998. С.312-315.

24. Семантика образований со стилистически маркированными формантами в летописном тексте / И.В.Ерофеева // *Язык. Культура. Деятельность: Восток – Запад. Филологические аспекты межкультурных коммуникаций. Набережные Челны*, 1999. Т. 2. С. 140-145.

25. Семантика производного слова в древнерусских летописях / И.В.Ерофеева // *Язык образования и образование языка. Материалы Междунар. науч. конф. Великий Новгород*, 2000. С.100-101.

26. Словообразовательные особенности наименования лиц по территориальной и этнической принадлежности в «Повести временных лет» /

И.В.Ерофеева // Актуальные проблемы современной русистики. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. памяти В.И.Чернова. Киров, 2000. С.89-91.

27. Сложные слова со значением лица в древнерусских летописях / И.В.Ерофеева // Филология на рубеже тысячелетий. Материалы Междунар. науч. конф. Человек. Действительность. Язык. Ростов-на-Дону, 2000. Вып. 1. С. 127-130.

28. Некоторые текстовые и языковые особенности Московского летописного свода 1479 года / И.В.Ерофеева // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. Материалы регион. конф. Чебоксары, 2000. Кн. 1. С. 237-246.

29. Производные образования со значением лица с формантом *-никъ* в Московском летописном своде 1479 г. / И.В.Ерофеева // Закономерности развития и функционирования национальных языков и литератур. Материалы итоговой науч. конф. Казань, 2001. С.49-51.

30. Наименования лиц с суффиксом *-тель* в древнерусских летописях / И.В.Ерофеева // Русская и сопоставительная филология: взгляд молодых. Казань, 2001. С.135-142.

31. Применение дихотомического принципа внутренней и внешней истории И.А.Бодуэна де Куртенэ к изучению памятников древнерусской письменности / И.В.Ерофеева // Бодуэн де Куртенэ и современная лингвистика. Труды и материалы Междунар. науч. конф. Казань, 2001. С.68-69.

32. «Повесть временных лет» как источник изучения древнерусского именного словообразования / И.В.Ерофеева // Владимир Даль и современная филология. Материалы Междунар. науч. конф. Нижний Новгород, 2001. Т. II. С. 170-174.

33. Словообразовательное поле деятеля в Московском летописном своде / И.В.Ерофеева // Теория языкознания и русистика: наследие Б.Н. Головина. Сборник статей по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 85-летию проф. Б.Н.Головина. Нижний Новгород, 2001. С.114-117.

34. Производные наименования лиц по этническому и территориальному признаку в летописном тексте. / И.В.Ерофеева // Язык и этнос. Материалы Первой выездной академической школы для молодых лингвистов-преподавателей вузов РФ. Казань, 2002. С.138-148.

35. Структура словообразовательного форманта и словообразовательные отношения в древнерусском языке / И.В.Ерофеева // Русская и сопоставительная филология. Концептуально-семантический и системно-функциональный аспекты. Материалы итоговой науч. конф. Казань, 2002. С.22-24.

36. О роли внутрилингвистических и экстралингвистических факторов в формировании языковых особенностей летописных сводов (в свете идей Бодуэна де Куртенэ) / И.В.Ерофеева // Учен. зап. Казан. ун-та. Казань, 2002. Т. 143. С.123-129.

37. Сопоставительный анализ языковых особенностей летописных сводов и их места в культурном контексте средневековья / И.В.Ерофеева // Сопоставительная филология и полилингвизм. Материалы всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2002. С.47-50.

38. Производные наименования лиц с суффиксом *-ьц-* в Московском летописном своде 1479 года / И.В.Ерофеева // Русская и сопоставительная филология. Системно-функциональный аспект. Казань, 2003. С. 53-57.

39. Применение бодуэновского принципа «генетической объективности» к историческому изучению фактов словообразования / И.В.Ерофеева // II Междунар. Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность. Труды и материалы: В 2 т. Казань, 2003. Т. 1. С. 84-86.

40. Лингвокультурологическая семантика производных образований в летописном тексте. / И.В.Ерофеева // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. Казань, 2004. С.102-107.

41. Омонимия имен на *-ник* в истории русского языка. / И.В.Ерофеева // Русская и сопоставительная филология: Исследования молодых ученых. Казань, 2004. С. 53-59.

42. Языковые особенности русских летописей в культурологическом аспекте. / И.В.Ерофеева // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. Междунар. науч. конф., посвященная 200-летию Казанского университета. Казань, 2004. С. 178-179.

43. Производные существительные с суффиксом *-ние* в семантической структуре разновременных летописных сводов / И.В.Ерофеева // Лингвистические исследования. Сборник научных работ памяти проф. Г.Йелитте. Казань, 2004. С. 60-66.

44. Существительные с суффиксом *-ник* как производные и производящие основы в русском и польском языках. / И.В.Ерофеева // *Studia Polono-Ruthenica*: Сборник научных работ памяти проф. А.Бартошевича. Казань, 2005. С. 55-63.

45. Сложные существительные со значением лица в Московском летописном своде 1479 года. / И.В.Ерофеева // Русская и сопоставительная филология 2005. Казань, 2005. С. 44-50.

46. Наименования лиц по этнической и территориальной принадлежности в московском летописном своде 1479 года. / И.В.Ерофеева // Сопоставительная филология и полилингвизм. Материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2005. С. 88-90.

47. Древнейшие русские летописи как источник изучения русского исторического словообразования / И.В.Ерофеева // Исследования по русскому и славянскому языкознанию. Сборник статей к 70-летию проф. Г.А.Николаева. Казань, 2005. С. 120-127.

48. Композиты с отвлеченным значением в Московском летописном своде / И.В.Ерофеева // Учен. зап. Казан. ун-та. Гуманитарные науки. 2006. Т. 148, кн. 3. С.65-72.

49. Религиозная семантика производных образований в летописном тексте / И.В.Ерофеева // Православие в поликонфессиональном обществе: история и современность: Материалы Всерос. науч. конф., посвященной 450-летию Казанской епархии. Казань, 2006. С. 285-296.

50. Имена с суффиксом *-ьство* в лексической системе Московского летописного свода 1479 года / И.В.Ерофеева // Русская и сопоставительная филология 2006. Казань, 2006. С.91-98.

51. Прилагательное *великъ* в летописном тексте / И.В.Ерофеева // Исследования по русскому языку: Сборник статей к 70-летию проф. Э. А. Балалыкиной. Казань, 2007. С. 94-102.

52. Словообразование прилагательных в летописном тексте (по материалам Московского летописного свода 1479 года) / И.В.Ерофеева // В.А.Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: тр. и матер. Междунар. науч. конф. Т.1: В.А.Богородицкий и Казанская лингвистическая школа. Казань, 2007. С.128-130.

53. Прилагательные с суффиксом *-ьск-* в Московском летописном своде 1479 года / И.В.Ерофеева // Языковая семантика и образ мира: материалы Междунар. науч. конф. Казань, 2008. Ч. 1. С. 143-146.

54. Конфиксальные адъективы со вторым элементом *-ьн-* в языке Московского летописного свода 1479 года / И.В.Ерофеева // Русская и сопоставительная филология 2008. Казань, 2008. С.57-62.

55. Отглагольные прилагательные с суффиксом *-ьн-* в Московском летописном своде 1479 года // Сборник статей к юбилею проф. Т.М.Николаевой. Казань, 2008. С.92-99.

56. Роль словообразования в формировании лингвокультурологической парадигмы летописного текста / И.В.Ерофеева // Лингвокультурологические и лингвострановедческие аспекты теории и методики преподавания русского языка: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Тула, 2009. С. 96-102.

57. Сложные имена прилагательные в Московском летописном своде 1479 года / И.В.Ерофеева // Междунар. Бодуэновские чтения. Труды и материалы. Казань, 2009. Т. 2. С. 26-28.

58. Летописный текст как источник изучения семантико-аксиологических констант средневековой культуры / И.В.Ерофеева // Русский язык: исторические судьбы и современность. IV Международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. М., 2010. С.844-845.

59. Лингвокультурная парадигма летописного текста как отражение категорий средневекового мировоззрения / И.В.Ерофеева // Вопросы языка и литературы в современных исследованиях. М.- Ярославль, 2010. С. 128-134.